

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики
Кафедра русской литературы

Лексические и фразеологические эквиваленты в переводе Антоном Ханзенем Таммсааре
романа Достоевского «Преступление и наказание»

Бакалаврская работа
студентки третьего курса отделения славистики
Ренате Ильвес

Научный руководитель –
ассоциированный профессор Л.Л. Пильд, PhD

Тарту 2024

Оглавление

Введение.....	3
§ 1. О первых переводах романа.....	3
§ 2. Таммсааре и Достоевский в эстоноязычных исследованиях	5
§ 3. Об истории перевода в Эстонии в 1920-е-1930-е гг.	8
§ 4. О некоторых теоретических концепциях перевода.....	9
Глава 1.....	15
Об истории перевода Достоевского в Эстонии.....	15
Глава 2.....	24
Анализ лексических эквивалентов в переводе Антона Ханзена Таммсааре и переизданиях перевода	24
2.1 Перевод ключевых и функционально значимых слов.....	24
2.2 Перевод реалий.....	35
2.3 Перевод отклонений от литературной нормы	41
2.3.1. Перевод просторечий.....	43
2.3.2. Ломаная речь.....	48
2.3.3. Жаргонизмы и окказионализмы	49
Глава 3.....	53
Перевод фразеологизмов	53
Заключение.....	66
Список использованной литературы.....	69
Kokkuvõte	74
Приложение	76
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks	78
Autorsuse kinnitus	79

Введение

Наша работа посвящена сравнению эстонского перевода Таммсааре, вышедшего в 1929 году, и пяти его отредактированных версий (1939, 1958, 1987, 2007 и 2020 гг.) с оригинальным текстом романа Федора Достоевского «Преступление и наказание». Как хорошо известно, роман был впервые опубликован в 1866 году в журнале «Русский вестник». Спустя год появилось самостоятельное издание, куда были внесены некоторые изменения по сравнению с журнальным вариантом романа [Достоевский 1973: VII, 328–329].

Мы будем рассматривать перевод целого ряда лексических и фразеологических единиц в сопоставлении с оригиналом. Эти виды лексики представляют значительный интерес, поскольку в некоторых случаях, как мы покажем, в языке перевода отсутствуют соответствующие эквиваленты, и для передачи всех нюансов и особенностей исходного текста со стороны переводчика требуется особый, творческий подход.

Объектом исследования будут текст романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», его перевод на эстонский язык А. Х. Таммсааре (1929) и пять последующих отредактированных версий перевода: 1939, 1958, 1987, 2007 и 2020 гг.

§ 1. О первых переводах романа

«Преступление и наказание» создавалось в 1865—1866 годах. Из писем и черновиков Ф. Достоевского следует, что замысел произведения является итогом многолетних размышлений писателя. Первоначально писатель работал над замыслом произведения в форме монолога преступника. Позднее Достоевский отказывается от «я-рассказчика» и вводит в текст повествователя от третьего лица. Значимым этапом в разработке концепции «Преступления и наказания», является план романа «Пьяненькие», созданный в 1864 году. В этом романе писатель намеревался затронуть проблему алкоголизма и его последствий, особенно влияние на семейные отношения и воспитание детей в условиях нищеты [Там же: 309]. Затем Достоевский объединил две сюжетные линии в новом романе. В нашей работе мы будем обращаться к обеим сюжетным линиям.

Еще до завершения печатания «Преступления и наказания» начало романа было опубликовано во французском переводе в петербургской газете „*Courrier russe*“. Но

публикация эта прошла незамеченной [Достоевский 1973: VII, 358].

Первым полным переводом романа «Преступление и наказание» на другой язык стал немецкий перевод, выпущенный в 1882 году под названием «Раскольников». Этот перевод был выполнен В. Генкелем, известным переводчиком, продвигавшим русскую литературу в Германии и долгое время проживавшим в России. Он не предполагал большого успеха книги, и она была издана на средства самого Генкеля. Однако, увидев, что роман не пользуется должным вниманием, переводчик разослал его знаменитым писателям и критикам. С этого времени сочинение Достоевского становится неотъемлемой частью немецкой литературной жизни. [Там же].

В 1884 году, через три года после смерти Достоевского, вышел полный французский перевод «Преступления и наказания»; он был неоднократно переиздан и в 1909 году опубликован уже шестнадцатым изданием. Переводчик В. Дерели был хорошо знаком с Тургеневым и пользовался его советами; вероятно, под влиянием автора «Дворянского гнезда» он задумал и этот перевод [Там же].

Несколько позднее, чем во Франции, в 1886 году, вышел английский перевод «Преступления и наказания», который был переиздан через три года. Этот перевод стал известен также в США. Другие английские переводы романа Достоевского увидели свет после довольно долгого перерыва в 1911 и в 1914 годах; последний из них принадлежал талантливой переводчице К. Гарнетт и входил в состав предпринятого ею издания полного собрания сочинений писателя [Там же].

С начала 1880-х гг. до 1917 года роман Достоевского был переведен на множество иностранных языков; на некоторые из них он перелажался неоднократно. Немецкий текст Генкеля использовался как перевод-посредник, и таким образом появились переводы в скандинавских странах, а французский перевод был использован испанскими и итальянскими переводчиками. Позднее последовали и переводы с самого оригинала. Если учесть ранние издания переводов «Преступления и наказания», хронология начального этапа распространения романа на других языках Западной Европы такова: норвежский язык — 1883; шведский — 1884; датский — 1884; финский — 1888; голландский — 1885; испанский — 1901; итальянский — 1889; венгерский — 1888; румынский — 1912; чешский — 1883; болгарский — 1889; польский — 1887; сербский — 1888 (неполный) [Достоевский 1973: VII, 358-359].

В начале XX века появились и первые переводы «Преступления и наказания» на восточные языки: в 1913 году — на японский, в 1914 году, в Каире, — на арабский. Таким образом, за три десятилетия роман Достоевского стал достоянием всего культурного мира [Достоевский 1973: VII, 359]. Из сохранившихся свидетельств очевидно, что роман Достоевского произвел на своих первых зарубежных читателей глубокое впечатление, и они были восхищены им [Там же].

§ 2. Таммсааре и Достоевский в эстоноязычных исследованиях

Писатель Антон Хансен Таммсааре, который позже стал автором основополагающего для эстонского культурного пространства текста – пенталогии «Правда и справедливость», был восхищен творчеством Ф. Достоевского и, когда ему предоставили возможность перевести «Преступление и наказание», он, естественно, ею воспользовался.

Литературовед Э. Тедер указывал на «душевное родство» Ф. Достоевского и А. Х. Таммсааре, а также на ряд сходжений в стилистике двух писателей. Об этом ученый написал в статье «А. Х. Таммсааре и Ф. Достоевский». По его мнению, конечно, нельзя утверждать, что «Правда и справедливость» или какое-либо другое произведение Таммсааре — это эстонская версия Достоевского. Однако существуют некоторые общие черты в стиле двух писателей, в их философских размышлениях, в характере рассуждений и в процессе углубления в человеческую психику. Оба писателя черпали вдохновение из жизни своего народа, но проблемы и герои были у них очень разными. Общеизвестно, что оба мастера слова были обвинены современными критиками в отсутствии выверенного, гармонического стиля. Таммсааре обвиняли в нескладных и небрежных формулировках, в длинных монологах персонажей и длиннотах в романе «Правда и справедливость».

Loomulikult ei saa väita, et „Tõde ja õigus“ või mõni muu Tammsaare teos oleks Dostojevski eesti variant. Küll aga võime täheldada mõningaid ühisjooni kahe kirjaniku stiilis, filosoofilistes mõtisklustes, arutluste laadis ja inimpsüühikasse süüvimises.<...> Mõlemad kirjanikud ammutasid inspiratsiooni oma rahva elust, kuid nende probleemid ja tegelaskujud olid tunduvalt erinevad. On üldiselt teada, et mõlemad sõnameistrid said omaaegseilt kriitikuilt noomida stiilituse eest. Tammsaarele heideti ette lohisevat sõnastust ning eriti "Tõe ja õiguse" puhul pikki monolooge ja tarbetut heietamist [Teder: 462].

Таммсааре не скрывал своего восхищения Достоевским. Только в 16-м томе «Собрания сочинений» Таммсааре, включающем публицистику 1914–1925 гг., имя Достоевского появляется на 59 страницах, иногда по несколько раз на одной странице. Таммсааре

неоднократно утверждал, что Достоевский — его любимый писатель, вдохновивший его на творчество:

Niihästi oma ulatuslikus publitsistikas kui ka vestlustes sõprade ja kaasaegsetega on Tammsaare rõhutanud oma Dostojevski vaimustust. Ainuüksi Tammsaare „Kogutud teoste“ 16. köites, mis hõlmab publitsistikat aastaist 1914—1925, esineb Dostojevski nimi 59 leheküljel, mõnikord ühel leheküljel mitu korda. Tammsaare on korduvalt kinnitanud, et Dostojevski on tema lemmikirjanik, kes teda on loomingule virgutanud [Teder: 462].

В интервью перед своим 50-летием писатель заявил, что Достоевский поражает читателей своей психологической проницательностью и масштабом. Чтение его книг сводило Таммсааре с ума, он жил как во сне, находясь под влиянием Достоевского. Особенно его поразило «Преступление и наказание» [Там же: 466].

Однако эссеист и переводчик Ильмар Вене в своей статье „Tammsaare ja Dostojevski: Maailmapiltide kõrvutus“/Таммсааре и Достоевский: сравнение картин мира попытался изучить более глубоко, что связывало этих двух писателей, несмотря на то, что их миропонимание было совершенно разным.

Eks ole meil tavaks nimetada Tammsaare maailmavaadet “loodusteaduslikuks” <...> Kuidas aga võinuks see loodusteaduslikkus sobida Dostojevskile? Igähele, kes vene kirjanikuga lähemalt tuttav, on teada, et loodusteaduslikust maailmapildist juhindujate hulka too kohe kindlasti ei kuulunud [Vene: 345].

Согласно мнению И. Вене, Достоевский считал, что мир, потерявший веру в Бога, не сможет иметь прочного будущего, так как жизнь без Бога означает, что «все дозволено». А это может привести к тому, что моральные заповеди и запреты, которые были неотъемлемой частью тысячелетнего развития человечества, начнут исчезать. По мнению Достоевского, Европа уже столкнулась с такой неизбежностью.

Aga jumalatuks muutunud maailmal ei saa olla kestmamat tulevikku; jumalatus ju tähendab, et "kõik on lubatud"; järelikult kõlbelist laadi käsud ja keelud, aastatuhandeid jätkunud arengu väärtuslikem saadus ja kestvuse kindlaim tagatis, hakkavad pidurdamatult hääbuma. Ja just sellise paratamatuse ette oli Euroopa Dostojevski arvates jõudnud [Там же: 350].

Однако, Таммсааре, напротив, рассматривал религию как источник человеческих проблем. Он утверждал, что вера, будь то церковная, научная или общественная, ведет к нетерпимости, притеснениям и ненависти. По мнению Таммсааре, лучшим решением было бы избавиться от веры и суеверия, поскольку это привело бы к духовной свободе.

Palju hõlpsam on jõuda nähtuseni, milles kirjanik [Tammsaare] nägi hädade algallikat: kõige halvem, öeldakse selge sõnaga, olevat usk. “Usk pole mitte ainult kirikutes, vaid ka mujal; usku ei õpeta ainult vaimulikud, vaid ka teadlased, ühiskonna apostlid, kunstnikudki. Igal pool, kus usku õpetatakse, seal saadakse sallimatuseks ja tagakiusajaks, seal hiilivad nuuskurid ringi, seal on salakaebajad, hullustajad, seal on viha ja vaen ning kätemaksmine. Vaadake oma

ümber ja iga sammu peäl näete usku, aina usku” (Tammsaare, 16. kd, lk 168). <...> Sest kui ebausku märgib häda ja kui iga uus usk peab möödapääsmatult muutuma ebauskuks, siis ju ülim hüve saab seisneda ainult usu puudumises [Vene: 353].

Если в мышлении Достоевского главный акцент делался на недостатках нового времени, то у Таммсааре на первом плане стояла критика предшествующих ему эпох. Однако Вене видит и общую черту у обоих авторов — они оба скромно оценивали возможности нового времени [Там же: 355–356].

Несмотря на различия взглядов у двух писателей на религию, литературовед Э. Тедер был уверен, что, если первое знакомство с «Преступлением и наказанием» послужило для Таммсааре импульсом к созданию «Правды и справедливости», то окончательным толчком для созревания идеи романа стала работа над переводом того же произведения:

Huvitav on tõdeda, et kui „Kuritöö ja karistuse“ esmakordne lugemine andis Tammsaarele algtouke „Tõe ja õiguse“ loomiseks, siis viimase touke eporöa idee küpsemiseks andis Dostojevski romaani eestindamine 1923. aastal [Teder: 461-462].

Позднее многие литературоведы отмечали влияние Ф. Достоевского на творчество А. Х. Таммсааре. В частности педагог и историк литературы Яан Роос точно подметил, что в своих статьях о литературе Таммсааре постоянно возвращается к Достоевскому, подчеркивая философско-психологическую глубину и универсальность творчества русского писателя. Особенно увлекала Таммсааре мистерия страданий Достоевского, идея страдания, которая, подобно мосту, соединяла этих писателей, объединяла их родственные души.

Oma kirjandust käsitlevais artikleis tuleb Tammsaare ikka jälle tagasi Dostojevski juure, kriipsutades alla viimase loomingu filosoofilist ja psühholoogilist sügavust ja universaalsust. Eriti paelub Tammsaaret vene kirjaniku kannatuse müsteerium. Kannatuse mõte on nagu sillaks, mis neid mõlemaid kirjanikke ühendab, neid sugulashingedeks teeb. [Там же: 463].

Леа Пильд в соавторстве с магистранткой Кристель Тоомель в статье «Эссе А. Х. Таммсааре о Достоевском в контексте публицистики писателя 1910-х — 1920-х гг.» также связывают «страдание» у Достоевского с темой художника:

Одна из основных тем рассматриваемого сочинения — тема художника, творца, необычайно волновавшая Таммсааре на протяжении всей его творческой эволюции [Пильд, Тоомель: 125].

Серьезный художник, с точки зрения Таммсааре:

...это человек много и подолгу страдавший. Жизни творца, созидającego подлинную культуру, всегда сопутствуют суровые обстоятельства (тюремное заключение или же вызванное внутренними причинами одиночество) <...> [Там же: 126].

Показательным явлением в эссеистике Таммсааре, Л. Пильд и К. Тоомель считают следующую сквозную черту:

...рецензируя произведения своих современников и соотечественников <...>, Таммсааре наиболее высокую оценку дает тем талантливым литераторам, чьи произведения решены в минорной (элегической, драматической или трагической) тональности. <...> И наоборот: художественные произведения, где описывается наслаждение

радостями жизни, рецензент относит к тому роду литературы, которую нельзя назвать высокопрофессиональной <...> [Пильд, Тоомель: 126].

Можно сказать, что Таммсааре считал Достоевского «особенным», ведь не каждый переводчик пишет эссе об авторе переведенной им книги.

Можно привести и другие примеры общих черт в художественном мышлении двух писателей, замеченных литературоведами. Например, литературовед Маарья Вайно пишет, что обоих писателей интересовали вопросы преступления, вины и искупления.

Kuritöö, süütunde ja lunastuse küsimused huvitavad ka Tammsaaret [Dostojevski 2020: 607].

Также можно выявить определенные точки соприкосновения между персонажами двух авторов – Индрекком из романа «Правда и справедливость» и Раскольниковым. Индрек, в известном смысле, также становится убийцей, хотя и при иных обстоятельствах. Он дает своей матери передозировку обезболивающих лекарств, таким образом ускоряя ее смерть, и стреляет в свою жену Карин, но не убивает ее. Но самым примечательным, по мнению М. Вайно, является сходство финала двух романов — Раскольников стоит на коленях перед Соней, Индрек — на коленях перед Тийной, служанкой, на которой он в юности обещал жениться — и оба они как будто обрели новое счастье или смысл жизни после долгих страданий.

Kõige tähelepanuväärsemaks kokkulangevuseks võib pidada kahe romaani lõppu: Raskolnikov põlvili Sonja ees, Indrek põlvili Tiina ees – ja mõlemad on leidnud pärast pikka kannatamist justkui uue eluõnne või – mõtte [Там же].

Хотя мировоззрения писателей, возможно, в некоторой степени и различались, в них, тем не менее, можно найти много общих черт, а произведения Достоевского и Таммсааре остаются актуальными и в наши дни.

§ 3. Об истории перевода в Эстонии в 1920-е-1930-е гг.

В начале XX века в России и других европейских странах в теории и практике перевода происходили сходные процессы. К тому времени в европейских языках была установлена и официально закреплена литературная письменная норма, что повлияло на типы текстов и представления о переводе. Исключение составлял только норвежский язык. Появление литературной нормы изменило представление о переводе, придав ему статус эстетического идеала. В результате многие переводы художественных произведений того

времени были сглаженными и однообразными, поскольку переводчики стремились соответствовать авторитетной норме языка перевода, а не индивидуальному почерку писателя. Это уменьшало возможности передачи идиостиля автора и национального своеобразия произведений. Так, в некоторых случаях произведения, переводимые в это время, пострадали из-за применения эстетического идеала литературной нормы [Алексеева: 101–102].

Переводовед Тартуского университета Элин Сютисте считает, что в Эстонии начала XX века перевод в основном рассматривался как средство обогащения эстонской культуры. Однако в 1920-е годы в отношении к художественному переводу произошло изменение. Особенно повлиял на этот процесс Густав Саар, опубликовавший в 1927 году две переводоведческие работы. Одной из них была рецензия на перевод «Короля Лира» Михкеля Юрна, а другая — статья под названием «О художественном переводе». Эта статья стала точкой поворота, после ее публикации интерес к переводу как искусству стал расти. Критики начали выделять творческий аспект работы переводчика и отмечать важность передачи стиля исходного текста. Начиная с 1927–1928 гг. и в 1930-е гг. критики один за другим подчеркивают необходимость творческого характера деятельности переводчика и противопоставляют ему видение перевода как беспроблемной и чисто прагматичной передаче исходного текста.

Saare artiklist alates hakatakse tõlkearvustustes ja muudes tõlkimist käsitlevates kirjutistes järjest enam rääkima tõlkimisest kui kunstist ning rõhutama nõuet taastada tõlkes lähteteksti stiili. 1927.–1928. aastast edasi ja läbi 1930. aastate domineerib tõlkealastes kirjutistes arusaam tõlkimisest kui kunstist. Üksteise järel toonitavad kriitikud tõlkija tegevuse loomingulist olemust ning vastandavad seda nägemusele tõlkest kui probleemist ja pelgalt pragmaatilisest ülekandest [Sütiste 2017: 172-173].

В целом 1920-1930-е годы, как считает Сютисте, свидетельствуют о высокой переводческой культуре в истории эстонского перевода [Sütiste: 920].

§ 4. О некоторых теоретических концепциях перевода

Американский теоретик перевода Лоуренс Вентури ввел в переводоведческую науку такие термины, как *доместикация (domestication)* и *форенизация (foreignization)*. Доместикация (одомашнивание) предполагает адаптацию текста оригинала, делая его более доступным для аудитории целевого языка. При этом сглаживаются культурные и исторические особенности оригинала, которые могут быть непонятны в культуре

переводимого языка. Стратегия форенизации (отчуждение), напротив, сохраняет эти особенности, чтобы подчеркнуть различия между исходной и целевой культурами. Однако такой подход может усложнить понимание текста читателями языка перевода, требуя от переводчика добавления сносок и пояснений неизвестных в целевой культуре понятий [Venuti: 20]. Особенно это касается реалий, которые являются образцами национального своеобразия и культуры автора произведения, а при доместикации существование разнообразия таких элементов не доходит до сознания читателя.

В своих работах Лоуренс Венути оценивает нынешнюю переводческую ситуацию в странах Запада и видит в ней поверхностное отношение к оригинальному тексту, где преобладающей стратегией стало сглаживание — стирающее лингвистические и культурные различия вместо того, чтобы передавать их [Там же: 14].

«При переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык». Эти слова Иоганна Вольфганга фон Гете выбраны в качестве эпиграфа к книге «Непереводаемое в переводе», написанной болгарскими исследователями Сергеем Влаховым и Сидером Флориным. Оба автора являются теоретиками перевода и практикующими переводчиками, что дает им преимущество видеть проблемы с обеих точек зрения.

В своей монографии они в основном сосредоточены на трудностях перевода реалий и фразеологизмов. Сложность для переводчика начинается уже с того, что как «реалия», так и «фразеологизм» не имеют однозначных соответствий при переводе на другой язык и их содержание толкуют по-разному.

Как пишут С. Влахов и С. Флорин, словом «реалия»

...обозначают (главным образом в филологических текстах) предмет, вещь, материально существующую или существовавшую, нередко связывая по смыслу с понятием «жизнь»; например, «реалии европейской (общественной) жизни». Согласно словарным определениям, это «всякий предмет материальной культуры», «в классической грамматике разнообразные факторы... такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке», «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [Влахов, Флорин: 7];

С другой стороны, в переводоведении термином «реалия» обозначают большей частью слова, называющие упомянутые предметы и понятия. В терминологии, связанной с реалиями, это далеко не единственное несоответствие [Там же].

Согласно С. Влахову и С. Флорину, термин «реалия» в значении «реалия-слово» стал достаточно устойчивым в области переводоведения несмотря на то, что он также

используется в своем предметном значении в других областях лингвистики, и они определяют термин следующим образом:

...реалия-слово как элемент лексики данного языка представляет собой знак, при помощи которого такие предметы — их референты — могут получить свое языковое обличие [Влахов, Флорин: 7].

Что касается фразеологизмов, то многие лингвисты вообще не считают пословицы, крылатые слова и афоризмы фразеологизмами под предлогом того, что они

...отличаются 1) своей синтаксической структурой: пословица — всегда четко оформленное предложение, и 2) тем, что единицы пословичного типа выражают суждение, обобщенную мысль, мораль (нравоучение) и т. д. в отличие от остальных ФЕ¹, обозначающих обычно понятие или предмет [Там же: 199–200].

Для нас здесь важно то, что пословицы авторы книги относят к фразеологическим единицам, так как в эстонском переводоведении пословицы также принято считать фразеологизмами [FES]. Некоторые из них мы рассмотрим в аналитической части, и поэтому мы соглашаемся с возражениями С. Влахова и С. Флорина лингвистам:

Несмотря на существенные расхождения в плане содержания и плане выражения, этими рубежами почти нельзя руководствоваться в плане перевода. И те ФЕ, и другие 1) могут быть образными или необразными<...>2) и те и другие могут обладать большей или меньшей мотивированностью значения целого значениями компонентов <...> [Влахов, Флорин: 200].

Проблемы, связанные с переводом фразеологизмов, рассматриваются по-разному, рекомендуются разные методы перевода, часто не сходящимися во мнениях учеными, предлагающими противоречивые решения. Это вполне естественно, так как в области перевода фразеологии нет единого и универсального решения для всех случаев. Даже если в словаре представлено эквивалентное фразеологическое выражение, оно может оказаться неудачным в данном контексте, и приходится искать альтернативные способы перевода. Иногда, даже если есть равноценный фразеологизм, может потребоваться индивидуальное решение переводчика в зависимости от конкретной ситуации. Поэтому противоречивые советы в теории не всегда следует считать совместимыми: например, если один автор предлагает переводить пословицу пословицей, а другой предпочитает использовать калькированные выражения или, подстановки, то, возможно, оба правы [Влахов, Флорин: 181].

Тем не менее, фразеологизмы, как правило, устойчивы и используются из поколения в поколение. Но лексике, в отличие от устойчивых словосочетаний, суждено устаревать и

¹ ФЕ — здесь и далее фразеологическая единица

поэтому в результате обновления языка часто возникает необходимость изменить переводное слово или выражение.

Художественный перевод всегда был и будет актуален в любой культуре. В необходимости переводить один и тот же текст многократно был убежден и словацкий ученый, теоретик перевода Антон Попович. Он объяснял это тем, что «перевод устаревает раньше, чем оригинальное произведение» [Попович: 128]. В нашем случае эта мысль подтверждается первым изданием романа Достоевского на эстонском языке, где многие слова, выражения, а особенно синтаксические конструкции к нашему времени устарели. Точнее говоря, они уже частично устарели к моменту переиздания перевода романа Таммсааре в 1939 году.

Актуальность нашего исследования состоит в детальном анализе лексики и фразеологии, как эквивалентной, так и безэквивалентной, перевод которых сопровождается трудностями и требует высокого уровня владения языком. Новизна исследовательской работы обусловлена отсутствием в эстонском переводоведении сравнительного анализа, который включал бы в себя сопоставление указанного материала в романе «Преступление и наказание», переводе Таммсааре и в последующих его переизданиях.

Однако следует отметить, что значительную работу в интересующем нас направлении провел писатель Михкель Самарюэтель в своем книжном блоге „loterii“ [Samarüütel]. Здесь он подробно задокументировал все изменения, внесенные в перевод Таммсааре редакторами в переиздании перевода в 1987 году. Тем не менее, это черновая работа не является научным исследованием и не включает аналитический аспект, но очень важна в качестве базового материала для будущих исследователей.

Итак, цель нашей работы — выяснить, как переводил роман Таммсааре, и как изменялся перевод некоторых лексических и фразеологических единиц на эстонский язык применительно к оригинальному тексту Ф. Достоевского с конца 1920-х годов до наших дней.

Наше исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников, а в конце работы помещены резюме на эстонском языке и небольшое приложение к работе.

Первая глава «Об истории перевода Достоевского в Эстонии» носит отчасти

реферативный характер, так как в ней фиксируются необходимые сведения о первых переводах рассказов Достоевского на эстонский язык, но основное внимание уделено истории перевода романа «Преступление и наказание».

Во второй главе «Анализ лексических эквивалентов в переводе Антона Ханзена Таммсааре и в модернизированных версиях перевода» мы будем выборочно анализировать перевод романа, выполненный в 1923 году, но опубликованный в 1929 г., и его позднейшие модернизированные издания, опубликованные в 1939, 1958, 1987, 2007 и 2020 гг. Нас будет интересовать, насколько изменилась или осталось без трансформаций переводная лексика на протяжении почти ста лет, а также, какие решения находили переводчики для передачи как эквивалентной, так и безэквивалентной лексики. Также мы рассмотрим, в каких случаях слова или словосочетания в переводе опущены и как это влияет на общую семантику текста.

Вторая глава разделена на три подглавки. В первой подглавке мы будем анализировать перевод ключевой и функционально значимой лексики,² во второй — перевод реалий, в третьей — перевод отклонений от литературной нормы, включающих в себя просторечие, жаргон и авторские окказионализмы. В третьей главе мы проанализируем перевод фразеологизмов.

Для анализа мы будем преимущественно использовать лексику и фразеологию первой части романа. Исключение составляют только первая («Перевод ключевых и функционально-значимых слов») и третья («Перевод отклонений от литературной нормы») подглавки, где, помимо лексики первой части, мы также будем рассматривать слова из второй и третьей части. Это обусловлено отсутствием в первой части романа необходимых нам примеров.

Целью такого анализа станет выявление семантических сдвигов эквивалентной и безэквивалентной лексики и фразеологии в переводе по отношению к оригиналу.

Мы будем обращаться к работам нескольких литературоведов, переводоведов и лингвистов, — специалистов по лексикологии, и приводить нужные нам примеры из их исследований. Наиболее важными для нас исследованиями являются работы Анне Ланге, Элин Сютисте, Эрвина Тедера, Ильмара Вене, Леа Пильд и Кристель Тоомель, а также монография Сергея Влахова и Сидера Флорина «Непереводимое в переводе», труды теоретика перевода Лоуренса Венути и специалиста по фразеологии Александра Кунина.

² В романе «Преступление и наказание» это в первую очередь лексика, описывающая «петербургский миф».

В настоящее время в области переводоведения изучаются различные дисциплины, и написано много научных работ. Однако на заре образования Эстонской Республики переводоведение осуществляло только первые свои шаги. В первой главе мы рассмотрим, на каких принципах в то время основывались переводчики и как происходило редактирование изданий. Мы сделаем также попытку понять, каким образом перевод романа «Преступление и наказание» принимал участие в процессе модернизации эстонского языка, и при каких обстоятельствах А. Х. Таммсааре был избран переводчиком полного текста романа Достоевского.

Глава 1.

Об истории перевода Достоевского в Эстонии

С 1887 года первые переводы рассказов Ф. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» и «Сон смешного человека» на эстонском языке появились в газетах „Wirulane“/Вирулане, „Wirmaline“/Вирмалине, в Приложении к газете „Olevik“/Олевик и в других периодических изданиях [ТКАВ; Wirulane; Wirmaline]. Но это были адаптированные переводы, не совсем соответствующие оригиналам Достоевского. Возможно, что некоторые из них А. Х. Таммсааре мог прочитать, будучи школьником, но о важнейших произведениях Достоевского он услышал уже в приходской школе Вяйке-Маарья, а более серьезное знакомство с русским классиком произошло в городе Тарту, в гимназии Хуго Треффнера, где в его руки впервые попал роман «Преступление и наказание» на русском языке [Teder: 460]. Нельзя забывать, что центр тяжести русификации в Эстляндской и Лифляндской губерниях пришелся на конец XIX века, и это касалось всех сфер жизни, включая образовательную, поэтому неудивительно, что школьники знали русский язык и читали книги, написанные по-русски. Позднее Таммсааре описал свой опыт тогдашнего чтения в интервью финской писательнице и журналистке Эльзе Хепорауте, в котором он сравнил произведение Достоевского с только что зарождающимся эстонским романом и нашел, что последний холоден и равнодушен как к человеку, так и ко всем другим живым существам:

Ma ei olnud varem ühtki säärast raamatut lugenud ja sellega võrreldes tundus meie oma kirjandus äkki tühine – see tundus õige külm ja hoolimatu nii inimese kui üldse kõigi elavate olendite vastu [цит.по:Teder: 460].

Неудивительно, что Таммсааре пришел к такому выводу, поскольку в XIX веке в Эстонии не было особого различия между переводом и переложением оригинала. Конечной целью становилась передача «истории», а не стиля оригинала. Историк эстонского перевода А. Ланге характеризуя переводы XIX века, отмечает, что одной из целей деятельности переводчиков заключалась в получении прибыли от продаж.

Tõlge tehti kellegi „järelle“ või oli „ümbär pandud“. Nagu sõnavaragi vihjab, ei olnud tollal tõkeliste tekstide eesmärgiks vahendada originaali stiili, sageli anti edasi „lugu“, mis lugejale mõjuks ja lisatulu teeniks [Lange: 21].

Но уже в первые десятилетия XX века, как отмечает А. Ланге, в переводной литературе начинают проявляться тенденции по обновлению языка, т. е. перевод часто служил цели модернизации и «утончению» эстонской культуры, исходный язык требовался для

заимствований новых слов, и переводная литература служила формированию «культурной нации»:

20. sajandi esimesel poolel teenis tõlkimine sageli eesti kultuuri moderniseerimise ja „peenendamise“ eesmärki ning tõlkimisega loodi „kultuurrahvast“. Eesti keel kandis tõlkes ositi keeleuenduslikku, lähtekeele semantikast üle kantud tähendust [Lange: 21].

Особого внимания заслуживает подход к переводу Йоханнеса Аавика, известного лингвиста и реформатора эстонского языка, который высказал мнение, что каждое слово, независимо от его происхождения, приемлемо для эстонского языка и заслуживает «полноправного гражданства», если оно красиво звучит и необходимо по своему значению.

...iga sõna, olgu, mis keelest tahes, on täieõigusliku kodanikuna eesti keele vastuvõetav, kui ta kõlaliselt esteetiline ja oma tähenduselt tarviline ja soovitatav [Там же].

Однако он подчеркнул, что новые слова не следует заимствовать из языков тех стран, которые вызывают у эстонцев страх или презрение по национально-политическим причинам.

К таким языкам Аавик относил как русский, так и немецкий:

Lubamatuteks laensõnadeks pidas Aavik „uueaegsemaid, värskemaid laensõnu rahvuspoliitiliselt kardetavaist või põlatavaist keelist, meil pääasjalikult vene ja saksa keelest [...] [цит.по: Raag, 147].

Методика Аавика оказала значительное влияние на переводную культуру Эстонии. Его основная цель заключалась не в том, чтобы «ввести» эстонского читателя в зарубежную литературу посредством переводов с французского, английского, финского, немецкого и русского языков, а в обновлении эстонского языка. Это означает, что стиль оригинального текста и его культурная ценность были второстепенными или даже незначительными для переводчика. Критерием выбора служила привлекательность произведения для переводчика и широкой аудитории. С 1910 года Аавик издавал серию переводов „Hirmu ja õuduse jutud“/Страшные и ужасные истории, включавшую и его собственные переводы художественной литературы, а также переводы единомышленников и учеников, соответствующие новым принципам. Перед переведенными текстами в публикациях серии размещался список языковых обновлений, пояснения к новым словам предоставлялись в сносках, после текста следовали лингвистические комментарии и пояснения, а также более или менее исчерпывающий обзор об авторе [Stepaništševa: 35–36].

Одним из ярких примеров этого периода является фрагментарный перевод «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, где Аавик уже в заглавии использует неологизм *roim*

'убийство', '[кровоное] преступление', 'человекоубийство' [EVS], вместо нейтрального слова *kuritöö* 'преступление' [Там же].

Т. Степанищева, тщательно исследовавшая эту тему, выявляет результат подхода Аавика и находит, что Аавик использовал неологизм вместо стилистически нейтрального литературного слова там, где в оригинале его не было. При этом изменялся смысловой эффект, но переводчика интересовало только обновление эстонского языка.

Aaviku tõlke lugeja puutus uudissõnaga kokku seal, kus originaalis seda polnud (преступление on stilistiliselt neutraalne kirjakeelne sõna). Tekkis muidugi hoopis teine semantiline efekt, kuid tõlkijale ei olnud see oluline, kuna teda ei huvitanud mitte t e k s t (Fjodor Dostojevski romaan), vaid k e e l (uuendatud eesti keel) [Stepaništševa: 35].

Другими словами, первый перевод произведения Достоевского «Преступление и наказание», пусть и фрагментарный, на эстонском языке был назван „Roim ja karistus“.

Однако, как хорошо известно, полный перевод романа А. Х. Таммсааре, изданный впервые в 1929 г., называется до настоящего времени на эстонском языке „Kuritöö ja karistus“.

В 1922 году издательство „Albert Org“ и Eesti Kirjanikkude Liit/Союз писателей Эстонии объявили конкурс переводов мировой литературы. Среди авторов и произведений, рекомендованных к переводу, были и тексты русских писателей, наиболее известные из них — это

Н. Гоголь «Тарас Бульба» (1835)

И. Тургенев «Дворянское гнездо» (1859)

Ф. Достоевский «Преступление и наказание» (1866)

Л. Толстой «Смерть Ивана Ильича» (1886) (этот рассказ уже был издан на эстонском языке в 1914 году в переводе Таммсааре)

А. Чехов «Рассказы» (1887)

М. Горький «В людях» (1914)

и др.

Участникам конкурса необходимо было предварительно договориться о переводе одного конкретного произведения. В случае публикации, помимо призов, был обещан и хороший гонорар (12-14% от стоимости книги). С Таммсааре был подписан договор на перевод «Преступления и наказания» [Teder: 465].

По свидетельству современников, точное время перевода романа «Преступление и наказание» неизвестно. Таммсааре работал с необычайной интенсивностью два месяца, и перевод был выполнен адекватно, он соответствовал уровню того времени.

Dostojevski romaani täpne tõlkimise aeg pole teada, kaasaegsete mälestuste järgi töötas Tammsaare eestindamise juures erakordse intensiivsusega kaks kuud, kuid sealjuures oli tõlge tehtud adekvaatselt ja vastas tolle aja tasemele [Teder: 465].

Для перевода Таммсааре использовал оригинал романа из своей библиотеки, где есть его карандашные пометы и подчеркивания. Жюри объявило результаты в 1924 году, и две премии по 12 500 марок были присуждены переводам произведений на русском языке. Победителями стали «Преступление и наказание» А. Х. Таммсааре и «Тарас Бульба» А. Адсона [Там же].

После награждения у Таммсааре возникла проблема с публикацией рукописи, поскольку в 1925 году издательство “Albert Org“ обанкротилось. Переводом Достоевского заинтересовались Eesti Kirjanduse Selts/Эстонское литературное общество и издательство „Loodus“, последнему удалось заполучить рукопись. Таким образом «Преступление и наказание» было опубликовано лишь летом 1929 года в популярной тогда книжной серии издательства «Ллоодус» „Looduse kroonine romaan“ (№ 6–8) [Там же].

Критик Эрнст Раудсепп написал к изданию предисловие, где представил эстонскому читателю Достоевского, охарактеризовав его взгляды. Подобно тому, как современники Достоевского критиковали его в России за «небрежение стилем», эстонская критика также выражала свое неудовольствие языком Достоевского. Однако его мастерство психологического анализа вызывало почти полное приятие. Так, например, Э. Раудсепп находил, что произведения Достоевского полны непрерывного напряжения и драматических событий, которые достигают пика только под самый конец повествования. «Идеальные образы» Достоевского с большим воздействием противопоставляются «страшным», «кошмарным» персонажам, но вместе они образуют, по мнению критика, сложную, но удобопонятную композицию. По мнению Э. Раудсеппа, Достоевского считали одним из самых слабых стилистов, даже писателем с самым небрежным слогом среди всех русских мастеров художественного слова. Однако переписка Достоевского показывает, что над своими произведениями он работал с сумасшедшим упорством, а его стилистические недочеты, и, возможно, даже недостатки в построении композиции произведения не были связаны с поверхностным отношением к писательскому труду. Скорее всего, свою энергию

он концентрировал на достижении идейной ясности произведения и на развитии образов персонажей. Раудсепп приходит к заключению, что стилистическая сторона текста у таких мастеров неизбежно имеет второстепенное значение.

Imestamisväärtne on D. psühholoogiline kujutamiskunst. Selle arvele tuleb panna tema teoste lakkamatu põnevus; kuid sama palju mõjub kaasa tema teoste dramaatiline sündmuste areng, mis alati liigub nagu kõige kõrgemas pinevuspunktis ja kunagi ei lasku sealt anna enne kui alles teoste lõpus. Samuti suure mõjuga on tal ideaalsetele kujudele nagu vastukaaluks seatud võikad, pahelised, peaaegu viirastuslikud kujud oma painava dialektikaga ja ülalpidamisega;

Kõik see teeb välja, et keeruline ideestik sugugi ei sega romaanide loetavust. Lisaks ei ole D. stiililised võimed kuigi suured. Teda peetakse vene üheks kõige nõrgemaks, isegi vigasemaks sõnakunstnikuks. <...> [Dostojevski 1929: 6].

В то время не было еще принято публиковать отзывы о переводных произведениях. Но по данным библиографического отдела Архивной библиотеки Литературного музея, была все же опубликована одна статья. Это отзыв прозаика и критика Альберта Кивикаса в газете „Eesti Päevaleht“/Ээсти Пяэвалехт, знакомящая читателей с переводом Таммсааре. А. Кивикас считал, что публикация романа Достоевского особенно важна для молодого поколения, недостаточно хорошо знающего русский язык, и что это издание является противовесом чрезмерной прозападной ориентации в переводной литературе. Автор статьи отмечает также, что «Преступление и наказание» — это характерно русское произведение, глубочайший образец русской литературы [Teder: 465].

Однако вернемся к истории эстонского перевода 20-х-30-х гг. Со второй половины 1920-х годов произошли большие изменения в требованиях к переводу художественной литературы, а к самому труду переводчиков критики стали прилагать критерий мастерства. К началу 1930-х годов сформировалось понимание, что эстонская литература развивалась на базе переводной литературы. А. Ланге пишет о защите магистерской работы литературоведа Густава Саара в 1930 г. Тема работы — «Перевод „Утренних и вечерних (жертво)приношений“ Иоганна Генриха Вильгельма Витшеля на эстонский язык». Этот факт показывает, что перевод уже считался объектом академического исследования.

...Gustav Saar, kelle väitekirja pealkiri „Johann Heinrich Wilhelm Witschel'i „Hommiku- ja õhtuohvrite“ eestindised“ näitab, et tõlge oli arvatud ka akadeemilise uurimise objektiks [Lange: 24].

В 1927 году в журнале „Looming“/Лооминг³ была опубликована статья Г. Саара «О художественном переводе», о которой мы упоминали выше, и в которой автор представил обзор истории перевода на Западе. Г. Саар отмечал: «Хороший перевод — это не абсолютное, а постоянно изменяющееся понятие. Каждая эпоха имеет свои принципы, которые зависят от

³ Журнал „Looming“ – орган Союза писателей Эстонии, издающийся с 1923 года

времени, культурно-эстетического мировоззрения и развития народа. Перевод должен быть самоцелью, достижимой через вдохновение, страсть и лиризм». Для Г. Саара перевод — это, безусловно, понятие художественного творчества, искусства переводчика. Идеал переводческого искусства — это сумма средств выражения внутренней и внешней формы, мировоззрения и стиля писателя. Если переводчик достигнет такого идеала, его труд будет равен оригиналу. В таком случае он не займет место оригинала, а будет находиться с ним рядом.

Nää tõlge pole mingi absoluutne, vaid varieeruv mõiste. Iga eepoohh on omand, erinevaid printsiipe, olenevuses aja ja rahva kultuurilisest ja esteetilisest ilmavaatest ning arengust. <..> Tõlge olgu „eesmärk iseenesest inspiratsiooni, kire ja lüürismi kaudu“ [цит.по: Lange, 25].

Однако в переводной литературе 1930-х годов большей частью преобладал буквализм. Ближе всего к переводу как художественному творчеству/искусству считались в это время произведения эстонского писателя и переводчика Фридеберта Тугласа.

Антон Хансен Таммсааре, который фактически был представителем переводчиков 30-х годов, находился в более уязвимом положении, чем Туглас и не оценивался критиками столь высоко. Часто находили, что стиль в его переводах пострадал, особенно из-за неуравновешенности и неритмичности, а также из-за неясности повествования или же из-за употребления более слабых и приблизительных эквивалентов.

...stiili hiilgus on kannatand [...] eriti lause tasakaalult, rütmikalt ja selguselt – aga tihti ka nõrgemate ja umbkaudsemate vastete tarvitamise pärast [цит. по: Lange, 27].

Когда в конце 1930-х годов перевод «Преступления и наказания» начали обновлять, Таммсааре хотел принять в этом участие. Однако издательство не связалось с ним и не попросило его помощи. Вместо редактора в книге указано только лицо, читавшее корректуру, — это Хельмут Пюркоп, переводчик и языковой корректор. Писатель был обижен таким поведением издателей, он, конечно же, хотел сам внести исправления в свой перевод, потому что за 15 лет эстонский язык заметно развился и обновился [Teder: 465].

Эстонский специалист по лингвистике и изучению текстов, Реэт Касик, представила детальный обзор процесса редактирования в статье „Eesti keelehoolde algusaegadest“/О начале нормирования эстонского языка, где, среди прочего, отмечает, что в период формирования молодой Эстонской Республики должности литературного редактора как таковой не существовало. Был редактор, который готовил рукописи к печати, а также корректоры,

исправлявшие опечатки. Основной задачей корректора была дополнительная правка после корректуры, т. е. сравнение напечатанного в типографии текста с рукописью. Степень предварительной корректуры, т. е. языковой унификации и исправления рукописей перед отправкой их в типографию, зависела от образования редактора и авторитета корректора.

Keeletoimetaja ametit sel ajal ei tuntud. Oli toimetaja (redaktor), kes tegeles käsikirjade trükivalmis seadmisega, ja olid korrektorid, kes parandasid trükivigu. Korrektori põhitöö oli järelkorrektuur, mis seisnes trükikoja tinalao kontrollimises ja laotud teksti võrdlemises käsikirjaga. Kuivõrd tegeldi eelkorrektuuriga, st käsikirjade keelelise ühtlustamise ja parandamisega enne trükikotta saatmist, see sõltus toimetaja haridusest ja korrektori autoriteedist [Kasik: 28-29].

Х. Пюркоп как переводчик был известен своей «сглаженной» речью. Был ли перевод точным, метким, адекватным, такой вопрос вообще не ставился, и Пюркоп с легкостью справлялся с поставленной задачей.

Kas tõlge oli täpne, tabav, adekvaatne, see polnud üldse küsimus. See pidi olema esmajoones ladus. Ja selle ladususe saavutas tihti peale korrektor Pürkop [Там же: 33].

При редактировании «Преступления и наказания» он внес лишь мелкую правку. Исправлены были некоторые орфографические ошибки в соответствии с новыми грамматическими правилами и изменено несколько слов, которые, по-видимому, уже устарели на этот момент.

До Второй мировой войны организацией, занимающейся нормированием литературного языка в Эстонской Республике, было Eesti Kirjanduse Selts/Эстонское литературное общество. В общество входили все ведущие лингвисты, занимающиеся проблемами литературного языка: Йоханнес Аавик, Йоханнес Вольдемар Вески и другие, а также вышеупомянутый Хельмут Пюркоп. Они представляли разные направления в своем отношении к языку, но в результате дискуссий и соглашений стабилизировался нормированный эстонский литературный язык, который фиксировался в орфографических словарях, учебниках грамматики и преподавался в школах [Kasik: 34, Kasik 2022: 1093]. В послевоенном тоталитарном обществе распространилось мнение, что слова или словоформы, которых нет в орфографическом словаре, запрещены, а их использование является ошибкой. Варианты языка, необходимость в подъязыках и проблемы, связанные с различными областями использования языка в послевоенное советское время, не обсуждали, признавался только один универсальный, нормированный эстонский литературный язык [Kasik 2022:

1096]. Согласно Р. Касик, переиздания художественной литературы также подвергались повторному редактированию на основе тех же требований.

Üleredigeerimisele allusid ka ilukirjanduse uustrukid [Kasik 2022: 1097].

Языковой культуре и стилю стали уделять более серьезное внимание после смерти Сталина, когда цензурные требования стали немного мягче. В 1958 году была учреждена секция по языку и переводу, где начали обсуждать культуру речи в более широком контексте, не ограничиваясь только орфографическими ошибками. Публично говорить о плохом влиянии русского языка было невозможно, поэтому объектом критики стали канцелярит, литературные штампы и слова-паразиты [Там же: 1097].

Так, например, издание «Преступления и наказания», вышедшее в 1958 году, на границе смены периодов, было уже опубликовано на современном эстонском языке. В то время не было принято отмечать имена редакторов и корректоров в книге на видном месте. Их указывали, как правило, на последней странице. Редактором перевода романа «Преступление и наказание», вышедшего в 1958 году, является В. Тарнасте, корректорами — А. Кихо и Э. Ярве. Редактирование было выполнено на основе издания, вышедшего в Москве в 1957 году [Dostojevski 1958: 4, 588]. Примеры из текста и выводы о том, какие изменения произошли в переводе Таммсааре в результате модернизации в переиздании романа 1958 года, мы будем приводить во второй и третьей главах, а также в заключительной части работы.

Следующее переиздание вышло в 1987 году, то есть уже в период более либеральных настроений в отношении языковой организации [Kasik 2022: 1100]. При переводе романа использовали издание «Преступления и наказания», вышедшее в Москве в 1970 году, редактором перевода был Э. Лехисте, корректорами — Р. Туру и У. Оянго [Dostojevski 1987: 4]. Переиздание 2007 года вышло в Приложении к эстонской газете “Eesti Päevaleht”/“Ээсти Пяэвалехт в серии „Romaaniklassika“. Ни редактор, ни корректор в книге не указаны. Также неизвестно, какое издание перевода послужило основой переиздания. На первый взгляд, кажется, что это переиздание «Преступления и наказания» 1958 года, которое не редактировалось, но точный ответ на этот вопрос мы можем также дать в ходе анализа и заключении работы. Последнее отредактированное переиздание «Преступления и наказания» вышло в 2020 году. Редактировал книгу Ааре Пильв, корректором была Лий Тынисманн [Dostojevski 2020: 2].

В этой главе мы обратили внимание на разные этапы перевода и редактирования художественной литературы. Как ранние переложения сочинений Ф. Достоевского, так и обновленные переводы романа «Преступление и наказание» особенно хорошо иллюстрируют развитие переводческой деятельности в Эстонии. А количество — пять модернизированных версий перевода — показывает, насколько значимым эстонские издатели считают творчество Ф. Достоевского и перевод Таммсааре. В последующих двух главах мы проанализируем и сопоставим выбранную нами лексику и фразеологию из оригинала Достоевского в переводе А. Х. Таммсааре, а также в обновленных версиях перевода.

Глава 2.

Анализ лексических эквивалентов в переводе Антона Ханзена Таммсааре и переизданиях перевода

Словарь произведений Достоевского представляет собой многоуровневый лингвистический арсенал, охватывающий не только литературный язык, но и широкий спектр разговорной речи, просторечия, а также реалий и фразеологизмов. Такой подход формирует реалистичное и многогранное представление об идиолектах различных социальных слоев.

Наше исследование направлено на анализ перевода лексического материала и фразеологии в эстонской версии романа «Преступление и наказание» Достоевского и сравнение перевода с его последующими редакциями. В данном исследовании возможно прокомментировать только незначительную часть лексики. Поэтому мы приводим в приложении к работе таблицы, содержащие непрокомментированные слова и позволяющие судить о том, как происходила модернизация перевода Таммсааре. Таким образом мы можем несколько увеличить количество переводимых слов, которые мы используем при анализе.

Критерии отбора слов и устойчивых словосочетаний у нас следующие: мы анализируем лексику и фразеологию, которые являются ключевыми или функционально значимыми в романе «Преступление и наказание». Объектом исследования становятся также отклонения от литературной нормы и безэквивалентная лексика. Это не означает, что работа охватывает все случаи перечисленного лексического и фразеологического материала, но, на наш взгляд, проделанная работа позволяет говорить о некоторых важных тенденциях в целевом тексте.

2.1 Перевод ключевых и функционально значимых слов

Ключевые слова выражают смысл всего текстового фрагмента и многократно повторяются, помогая таким образом выделить наиболее важное в тексте как для автора, так и для адресата перевода. Эти характерные для произведения слова, выражения и образы формируют лейтмотив сочинения. [Рябцева: 210; 213]. Функционально значимыми словами как уже говорилось выше, мы считаем те, которые участвуют в создании «петербургского текста» в романе.

Далее мы рассмотрим на примерах, как вышеупомянутая лексика была переведена у Таммсааре, а также какие изменения внесли обновители в его перевод.

В начале романа Достоевский описывает комнату Раскольниковова, используя нейтральную лексему «квартира» и эмоционально окрашенное разговорное слово «каморка», которое, скорее всего, указывает на обстановку, подобную чулану – на крайне узкое и тесное помещение, которое повествователь сравнивает также со шкафом. В словаре Даля слово «комора» толкуется как «клеть», «чулан», «кладовая» и рассматривается в сопоставлении со словом «камера», которое означает комнату или покой [Словарь Даля].

Здесь и далее мы приводим перед каждым примером таблицу, в которой будут указаны исходное слово из оригинала Достоевского, его перевод у Таммсааре и в последующих переизданиях романа. Вслед за этим мы будем сопоставлять фрагмент оригинала, с переводом.

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
каморка	toakong	toakong	toake	toake	toake	toake

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей **каморки**⁴, [Достоевский 1973: VI, 5];

Ср. у Таммсааре:

Juuli alul, haruldaselt palaval ajal, astus keegi noormees õhtu eeli oma **toakongist** välja, <...> [Dostojevski 1929: 7].

В переводе Таммсааре *каморка* 'toakong' приобретает оттенок значения тюремной камеры или кельи, так как оно образовано как сложное слово из двух лексем: *комната* 'tuba' и *камера, келья* 'kong' [EVS]. «Камера» и «келья» указывают на узкое и изолированное от внешнего мира помещение, которое не предназначено для обычного проживания человека, в то время как «комната» является пригодным для жизни местом.

В ходе обновления перевода в 1958 году и в последующих его версиях «каморка» заменяется на «комнатку», что подчеркивает ее небольшие размеры, но не указывает на то, что она больше подходит для хранения вещей, чем для жилого помещения.

Juuli alguses, haruldaselt palaval ajal, väljus keegi noormees õhtu eel oma **toakesest**, <...> [Dostojevski 1958: 5, Dostojevski 1987: 5, Dostojevski 2007: 5, Dostojevski 2020: 9].

⁴ Здесь и далее выделения темным цветом в цитатах из романа – мои. (P.II)

В предложении, где Достоевский сравнивает разговорное слово «каморка» со стилистически нейтральной лексемой «квартира», слово *'korter'*, которое широко распространено в эстонском языке, вдруг переводится как *kamber* 'комната'. Чаще всего это слово используется как название комнаты в хуторском доме или как синоним камеры для заключенных [EVS]. Однако со словом *kamber* в эстонском языке возможно образовать несколько сложных слов, и здесь оно используется, по всей видимости, в значении *katusekamber* 'чердачная комната' [Там же], так как Достоевский пишет, что «каморка приходилась под самую кровлей».

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
каморка	toake	toake	toake	toapugerik	toake	toapugerik
квартира	kamber	kamber	kamber	kamber	kamber	kamber

Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на **квартиру** [Достоевский 1973: VI, 5];

Ср. у Таммсааре:

Tema **toake** asus just kõrge viiekordse maja katuse all ja oli enam kapi kui **kambri** sarnane [Dostojevski 1929:7].

Таммсааре использовал здесь прием компенсации⁵, заменяя русское разговорное слово «каморка» умешительно-нейтральным в эстонском языке *toake* 'комнатка', но во второй половине предложения он снизил окраску нейтрального слова «квартира», переведя его как *kamber*.

В этом случае у Таммсааре, как нам кажется, можно заметить «сглаживание» стиля: переводчик таким образом избегает повтора слова «квартира», так как следующее предложение начинается с этой лексемы: „Korterit pere naine aga <...>“. Но примерно такой же повтор есть и у Достоевского – «Квартирная же хозяйка его <...>».

⁵ Прием компенсации применяется в том случае, когда то или иное языковое явление не может само по себе быть передано в языке перевода. В этом случае, компенсируя потерю, возникающую в переводе оттого, что та или иная языковая единица исходного языка осталась непереуведенной адекватно, переводчик передает ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем не обязательно в том же самом месте текста, что в подлиннике. <...> Компенсация используется особенно часто там, где необходимо передать чисто языковые особенности подлинника (диалектизмы, индивидуальные особенности речи, неправильные языковые формы, каламбур, игру слов и т. п.), которые не всегда имеют непосредственные соответствия в языке перевода [Читалина: 66].

В переиздании 1987 года лексема *toake* была заменена более уместным разговорным словом *toapugerik* 'каморка' [EVS], хотя в эстонском языке есть и буквальный эквивалент для слова Достоевского — *komorka* [Там же]. Однако слово *kamber* осталось без изменения. Слово Достоевского «квартира» лучше описывает различия между двумя типами жилых помещений. Эстонский перевод создает впечатление, что сравниваются две (маленькие) комнаты, а не комната с квартирой.

Tema **toapugerik** asetses just kõrge viiekorruselise maja katuse all ja oli enam kapi kui **kambri** sarnane [Dostojevski 1987: 5, Dostojevski 2020: 9].

Если в первой главе повествователь сравнивал комнату со шкафом, то в последующих главах первой части к ней добавляются еще и другие сравнения. Все выбранные Достоевским слова указывают на особую узость и замкнутость комнаты.

В третьей главе первой части повествователь, передающий точку зрения Раскольниковца, описывает его квартиру как помещение, напоминающую клетку.

...и с ненавистью посмотрел на свою **каморку**. Это была крошечная **клетушка**, шагов в шесть длиной <...> [Достоевский 1973: VI, 25].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
каморка	toakong	toakong	toapugerik	toapugerik	toapugerik	toapugerik
клетушка	puurike	puurike	toake	toake	toake	toake

Таммсааре использует при переводе слова «каморка», ту же лексему, которое он выбрал в первом примере — *toakong*. Также он передает сравнение комнаты с клеткой и точно передает ее размер — *sammu kuus pikk* 'шагов в шесть длиной'. Однако Таммсааре повторяет своим выбором слов образ изолированного пространства дважды, потому что как *(toa)kong* так и *puur* указывают на неволю, а у Достоевского образ несвободы появляется только один раз.

...ning vaatas vihaga oma **toakongi**. See oli pisitilluke **puurike**, samm kuus pikk <...> [Dostojevski 1929: 37, Dostojevski 1939: 42].

Обновители издания 1958 года, которые ранее перевели слово «каморка» как *toake*, заменили теперь его новым вариантом — *toapugerik*. А «клетушка» переводится как *pisitilluke toake*

'*малюсенькая или крохотная комнатка*'. Указание на размер комнаты передается точно так же, как у Таммсааре.

...ning vaatas vihaga oma **toapugerikku**. See oli **pisitilluke toake**, sammu kuus pikk <...> [Dostojevski 1958: 30, Dostojevski 2007: 23].

Редакторы издания 1987 и 2020 годов использовали одну и ту же лексему — *toapugerik* с самого начала и здесь не заменили его другим, близким по значению словом. Но все обновители перевода отошли от эмоционально окрашенного слова Достоевского «клетушка». Хотя она переводится как «маленькая тесная комната» [VES], но не передает тот образ неволи, о котором пишет автор оригинала. Размеры комнаты также описаны более пространной фразой. Добавлено *umbes* 'приблизительно, 'около'. При этом предложение только усложняется, потому что перевод Таммсааре *sammu kuus pikk*, уже содержит эту «приблизительность» в неразвернутой форме, как и у Достоевского.

...ning vaatas vihaga oma **toapugerikku**. See oli **pisitilluke toake**, umbes kuus sammu pikk <...> [Dostojevski 1987: 28, Dostojevski 2020: 36].

Там же, в третьей главе, когда Раскольников прочитал письмо, полученное от матери, он почувствовал, что задыхается в своей душной комнате, и на этот раз повествователь добавляет к слову «комната» сравнение с сундуком.

Наконец ему стало душно и тесно в этой желтой **каморке**, похожей на **шкаф** или на **сундук** [Достоевский 1973: VI, 35].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
каморка	toakongike	toakongike	toapugerik	toapugerik	toapugerik	toapugerik
шкаф	kapp	kapp	kapp	kapp	kapp	kapp
сундук	kast	kast	kast	kast	kast	kast

Как в переводе Таммсааре, так и обновленных редакциях сравнение с сундуком приобретает совсем другой облик — превращается в образ ящика. У сундука всегда есть крышка, откидная или съемная верхняя часть, но ящик может вообще не иметь закрывающейся части. Такое сравнение неуместно. Тесно может быть, как в сундуке, так и в ящике, но в образе ящика отсутствует полная замкнутость.

Viimaks muutus see kollane **toakongike** talle kitsaks ja umbseks, nagu oleks see mõni **kapp** või **kast** [Dostojevski 1929: 37, Dostojevski 1939: 60];

Viimaks muutus see kollane **toapugerik** talle kitsaks ja umbseks, nagu oleks see mõni **kapp** või **kast** [Dostojevski 1958: 43, Dostojevski 1987: 40-41, Dostojevski 2007: 33, Dostojevski 2020: 49].

В пятой главе первой части Раскольников чувствует, что именно в своей комнате, в этом сжатом пространстве, которое он теперь без всякого сравнения называет «шкафом», появляются у него безумные мысли, и он не хочет туда идти.

...там-то, в углу, в этом-то ужасном **шкафу** <...> [Достоевский 1973: VI, 45].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
шкаф	kong	kong	kong	toapugerik	kong	kong

В эстонском переводе слово «шкаф» заменено на *kong* 'клеть' или 'камера'. На наш взгляд, переводчики могли бы выбрать ту же лексему, что и у Достоевского — «шкаф», так как сравнение с этим предметом мебели уже несколько раз появлялось в романе.

...seal nurgas, selles hirmsas **kongis** [Dostojevski 1929: 69, Dostojevski 1939: 80, Dostojevski 1958: 57, Dostojevski 1987: 53, Dostojevski 2007: 43, Dostojevski 2020: 63-64].

Как уже говорилось, наименование помещения, в котором обитает Раскольников, постоянно меняется, но всегда имеет значение узости и замкнутого пространства, где невозможно дышать. Квартира влияет не только на состояние самого Раскольникова. В третьей главе третьей части романа даже его мать, Пульхерия Александровна, находясь в этой комнате, чувствует подавленность и сравнивает квартиру сына с гробом.

Какая у тебя дурная **квартира**, Родя, точно **гроб**, <...> [Достоевский 1973: VI, 178].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
гроб	puusärk	puusärk	puusärk	puusärk	puusärk	puusärk

В этом предложении Таммсааре перевел нейтральное слово «гроб» на эстонский язык, на первый взгляд, в его переносном значении — *puusärk* 'деревянный тулуп'. В русском языке «деревянный тулуп» имеет шутовое значение [Словарь Даля], но в эстонском *puusärk* — разговорное слово [VES], в котором вторая часть, *sark*, заимствована из нижненемецкого *serk*, *sark* 'гроб'. В народном словоупотреблении трансформировалась корневая лексема *sark* и превратилась в *särk* 'рубашка' [ETY]. Таким образом, эстонское слово не соответствует русскому «деревянному тулупу». Под *puusärk* подразумевается «деревянный гроб» или просто «гроб». Это слово имеет такое же смысловое значение, как в оригинальном тексте.

Kui halb **korter** sul on, Rodja, just kui **puusärk**, <...> [Dostojevski 1929: 284, Dostojevski 1939: 336, Dostojevski 1958: 235];

Ср.:

Kui halb **korter** sul on, Rodja, justkui **puusärk**, <...> [Dostojevski 1987: 219, Dostojevski 2007: 175, Dostojevski 2020:256].

Здесь мы также обращаем внимание на то, что издание романа 2007 года не является неотредактированным переизданием 1958 года, как мы первоначально предполагали. Мы обнаружили некоторые различия, и одно из них можно увидеть в последнем примере, в котором сравнительный союз в издании 1958 года написан отдельно — *just kui*, тогда как в издании 2007 года — слитно, *justkui*. Хотя мы не ставили перед собой задачи выявления этих различий, мы отметили те, которые заметили, в Приложении (См. таблица № 1).

Особое значение в романе придается теме города Петербурга. Однако его образ вызывает такое же гнетущее ощущение, как и квартира Раскольникова. Образ Петербурга в произведении, скорее, отрицательный. Несмотря на величие города, он оказывает на жителей гнетущее воздействие своей знойной погодой и снующей толпой.

В первой главе первой части романа Раскольников выходит на улицу и направляется в город. Достоевский, развивая «петербургский миф», описывает духоту, толкотню и запах жаркой погоды, что угнетает душу и подавляет дух каждого петербуржца. Далее следует описание, состоящее из функционально-значимых слов, которое можно назвать «петербургским текстом» Достоевского.

На улице жара стояла страшная, к тому же **духота, толкотня**, всюду известка, **леса, кирпич**, пыль и та особенная летняя **вонь** <...> [Достоевский 1973: VI, 6].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
улица	uulits	uulits	tänav	tänav	tänav	tänav

Начнем с лексемы «улица», которое сегодня не вызывает затруднений в переводе. Но уже в 1910-е годы в Эстонии начались интенсивные споры, какое слово лучше подходит для эстонского языка — *tänav, tanav, tee, kuja, uul* или *uulits* [ЕОВ]. И даже в то время, когда Таммсааре переводил «Преступление и наказание», дискуссии на эту тему не утихали, а лишь набирали обороты. Главное противостояние происходило между словами защитниками слова *uulits* и приверженцами лексемы *tänav*. Эстонский лингвист и исследователь имен Пеэтер Пялль в статье „Uulitsavõitlus“ пишет, что эстонец в начале XX века использовал слово *uulits* для обозначения городской улицы, а слово *tänav* было, скорее, диалектным или устаревшим

словом [Päll: 87]. Сейчас, наоборот, — *uulits* считается устаревшим [EVS], а общеупотребительное слово — *tänav*. Интересно, что одним из самых ярких сторонников слова *uulits* был Йоханнес Аавик, который обычно придерживался мнения, что русские слова следует искоренить [Päll: 88]. Лексема *uulits* ведет свое происхождение из русского языка, но оно уже использовалась в Эстонии до русификации, о чем свидетельствует словарь грамматики Шталя 1637 года, где городская улица обозначена как *Hulitz* [Там же: 93]. Историк эстонской литературы, библиофил и учитель Я. Роос пишет в газете „Vaba Maa“/Ваба Маа, что Таммсааре и Туглас первыми стали использовать слово *tänav*:

Kui ma ei eksi, tarvitas kirjanik Tammsaare kõige esmalt "uulitsa" asemel "tänav". Niisama tegi seda ka F. Tuglas [Vaba Maa].

Но перевод Таммсааре противоречит этому утверждению. Как мы видим, Таммсааре использовал при описании улиц Петербурга слово *uulits*. Это могло быть связано с тем, что Таммсааре просто не осмелился говорить о петербургских улицах словом *tänav*, которое в то время больше употреблялось при описании улиц деревенских.

К 1958 году, когда был опубликован второй обновленный перевод романа, лексема *tänav* уже стало общепринятым для обозначения городской улицы, и это слово использовалось во всех последующих обновленных версиях.

Uulitsal oli hirmus kuumus, pealegi veel sunbunud õhk, rahvatung, igal pool lubi, tellingud, telliskivid, tolm ja see eriline suve hais, <...> [Dostojevski 1929: 8, Dostojevski 1939: 7];

Ср. с обновленными редакциями:

Tänaval oli hirmus kuumus, pealegi oli seal veel umbne õhk, rahvatung, igal pool lubi, tellingud telliskivid, tolm ja see eriline suve lõhn, <...> [Dostojevski 1958: 6, Dostojevski 1987: 6, Dostojevski 2007: 6, Dostojevski 2020: 10].

Однако в романе упоминаются еще «серединная улица» и «переулок». Для короткой улицы, т.е. для «переулка», Таммсааре использует слово *põiktänav*, но длинную, соединяющую улицу, называет *keskuulits*. Сначала можно подумать, что писатель разграничивал слова *uulits* и *tänav* для обозначения длинной и короткой улицы, но в действительности в тексте иногда «переулок» переводится и как *põikuulits*. Таким образом Таммсааре переводил эти слова по своему желанию, используя иногда одно слово, иногда другое. В Приложение к работе мы включили лексемы, описывающие петербургское городское пространство, и их переводы на эстонский язык. Мы не будем комментировать эти слова, но используем для выводов (См.: таблица № 2).

В приведенном выше предложении следует обратить внимание на инверсию, которой нет в эстонском переводе. Нарушение обычного порядка слов акцентирует переставленное слово, в данном случае — прилагательное «страшная». Инверсия часто не передается в переводе, поскольку акцент перемещенного слова не такой сильный, как в исходном тексте, и предложение выглядело бы просто странно.

На улице жара стояла страшная, <...> [Достоевский 1973: VI, 6];

Ср. у Таммсааре:

Uulitsal oli hirmus kuumus, <...> [Dostojevski 1929: 8, Dostojevski 1939: 7];

Ср. с обновленными редакциями:

Tänaval oli hirmus kuumus, <...> [Dostojevski 1958: 6, Dostojevski 1987: 6, Dostojevski 2007: 6, Dostojevski 2020: 10].

Продолжим анализ переводимых слов в этом же предложении и теперь рассмотрим, как передается описание особой петербургской атмосферы, которая бывает только летом, когда более состоятельные люди уезжают на дачи.

На улице жара стояла страшная, к тому же **духота**, **толкотня**, всюду известка, **леса**, **кирпич**, пыль и та особенная летняя **вонь**, <...> [Достоевский 1973: VI, 6].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
духота	sumbunud õhk	sumbunud õhk	umbne õhk	umbne õhk	umbne õhk	umbne õhk
толкотня	rahvatung	rahvatung	rahvatung	rahvatung	rahvatung	rahvatung
леса	tellingud	tellingud	tellingud	tellingud	tellingud	tellingud
кирпич	telliskivid	telliskivid	telliskivid	telliskivid	telliskivid	telliskivid
вонь	hais	hais	lõhn	lõhn	lõhn	lõhn

Для лексемы «духота» все переводчики выбрали замену, которая состоит из двух слов. У Таммсааре — *sumbunud õhk* 'затхлый' ~ 'прелый воздух' / 'спертый воздух' [EVS]. Начиная с 1958 года редакторы переводов использовали словосочетание *umbne õhk* 'несвежий' ~ 'застоявшийся' ~ 'спертый' ~ 'нечистый' ~ 'затхлый воздух'. Однако в эстонском языке есть слова, которыми возможно передать лексему «духота» и одним словом — *leitsak*, *lämbus*, *umbsus* [EVS], но приходится согласиться с переводчиками, что смысл передается здесь яснее двумя словами.

Uulitsal oli hirmus kuumus, pealegi veel **sumbunud õhk**, **rahvatung**, igal pool lubi, tellingud, **telliskivid**, tolm ja see eriline suve **hais**, <...> [Dostojevski 1929: 8, Dostojevski 1939: 7];

Ср. с обновленными переводами:

Tänaval oli hirmus kuumus, pealegi oli seal veel **umbne õhk, rahvatung**, igal pool lubi, tellingud, **telliskivid**, tolm ja see eriline suve **lõhn**, <...> [Dostojevski 1958: 6, Dostojevski 1987: 6, Dostojevski 2007: 6, Dostojevski 2020: 10].

Следующее слово — толкотня — давка, теснота в толпе [Словарь Даля], которое Таммсааре передал сложным словом *rahvatung* 'натиск толпы' [EVS], вполне подходит по семантике. У Достоевского создается своего рода ритм между словами «духота» и «толкотня» благодаря одинаковому количеству слогов и ударению на последнем слоге. В эстонском языке связь подобного рода между двумя словами исчезают.

В этом же предложении Достоевский пишет о «кирпичах» в собирательном значении, используя единственное число. В таком же значении они и в эстонском языке *telliskivid*. Эстонские переводчики использовали сложное слово *telliskivid*, хотя в эстонском языке для собирательного «кирпич» есть и простое слово *tellis*. В эстонском переводе также заметна аллитерация в словах *tellingud* и *telliskivid*, которой нет в русском тексте.

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, <...> [Достоевский 1973: VI, 6];

Ср.:

Uulitsal oli hirmus kuumus, pealegi veel sumbunud õhk, rahvatung, igal pool lubi, **tellingud, telliskivid**, tolm ja see eriline suve hais, <...> [Dostojevski 1929: 8, Dostojevski 1939: 7];

Tänaval oli hirmus kuumus, pealegi oli seal veel umbne õhk, rahvatung, igal pool lubi, **tellingud telliskivid**, tolm ja see eriline suve lõhn, <...> [Dostojevski 1958: 6, Dostojevski 1987: 6, Dostojevski 2007: 6, Dostojevski 2020: 10].

И последнее слово, на которое мы обращаем внимание в этом предложении, — «вонь».

По словарю Даля, «вонь» — это отвратительный, противный запах [Словарь Даля]. Все, что повествователь перечисляет в предложении, относится к неприятному запаху, потому что погода безветренная, жаркая и воздух застоялся, поэтому душно.

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, <...> [Достоевский 1973: VI, 6].

В переводе Таммсааре мы находим точную передачу значения слова — *неприятный запах* 'hais'. В 1958 году редакторы заменили слово *hais* на *lõhn*. В эстонском языке слово *lõhn* действительно может обозначать как хороший, так и плохой запах. Но если мы не ставим перед ним прилагательные «плохой» или «хороший», то в основном оно означает «хороший запах».

Uulitsal oli hirmus kuumus, pealegi veel sumbunud õhk, rahvatung, igal pool lubi, **tellingud, telliskivid**, tolm ja see eriline suve **hais**, <...> [Dostojevski 1929: 8, Dostojevski 1939: 7];

Ср.:

Tänaval oli hirmus kuumus, pealegi oli seal veel umbne õhk, rahvatung, igal pool lubi, **tellingud telliskivid**, tolm ja see eriline suve **lõhn**, <...> [Dostojevski 1958: 6, Dostojevski 1987: 6, Dostojevski 2007: 6, Dostojevski 2020: 10].

Мы полагаем, что здесь лучше подошло бы слово, предложенное Таммсааре — *hais* 'вонь' или *lehk* 'вонь'. Особенно учитывая, что следующее предложение начинается словами: «Нестерпимая же вонь из распивочных <...>», где в эстонском переводе используется слово *hais*, как у Таммсааре, так и у редакторов перевода. Это значит, что Таммсааре повторяет слово, как и Достоевский, а в обновленных версиях текст сглажен. Лексические повторы являются особенностью идиостиля Достоевского, и, если существует такая возможность, повторы всегда следует переводить повторами.

На основании приведенных примеров можно сказать, что перевод слов, описывающих место проживания главного героя романа, его жилища, оказался наиболее сложным и вариативным, так как для описания квартиры Раскольников Достоевский использовал разнообразные синонимы и сравнения с помощью функционально значимых слов. Слова, выбранные Достоевским, постоянно повторяются в тексте и отчасти поэтому являются ключевыми. В переводе Таммсааре эти слова передаются произвольно и, как нам кажется, бессистемно. В 1958 году переводчики и корректоры старались избегать повторов – они уже намеренно сглаживали текст, заменяя ключевые слова синонимами. Тенденция сглаживания текста сохраняется и в современных переводах, чтобы облегчить чтение. Однако замены словесных повторов другими словами или синонимами разрушает логику мотивной структуры, очень важной для романа Достоевского.

Описывая городское пространство, Таммсааре определенно стоял перед выбором, как перевести лексему «улица». Переводчик выбрал слово *uulits* в соответствии с рекомендациями того времени, но он не всегда придерживался одинакового подхода, а заменял слова по своему произвольному желанию. Однако перевод лексемы «улица» хорошо показывает, как меняется язык со временем. Названия трактиров, кабаков и других подобных заведений, приведенные нами в таблице № 2, также показывает, что для передачи этих лексем сложно найти точные слова. Поэтому, называя питейные заведения, переводчики часто использовали синонимы или обобщенные наименования.

Как уже было сказано выше, противоречивую оценку вызывает замена слова *hais* на *lõhn*, кроме того, эта замена в очередной раз исключила повтор слова в следующем предложении. С одной стороны, слово *lõhn* подходит для выражения как хорошего, так и плохого запаха, но если Достоевский имел в виду вполне конкретное понятие и образ неприятного запаха, то обновленный эстонский перевод сохраняет неоднозначное понимание этого слова вопреки Достоевскому.

Исходя из такого понимания, мы считаем, что ключевые слова в эстонском переводе не выделяются должным образом, подобно тому, как это сделано в оригинале. Часто при повторении они заменяются синонимами, что приводит к потере той символики, которую вложил в них Достоевский. Зато функционально значимые слова выполняют свою задачу и передают реальное ощущение гнетущей атмосферы Петербурга в переводе так же, как и в оригинальном произведении.

В отредактированный перевод 1939 года внесены лишь незначительные исправления, согласно измененным грамматическим правилам того времени: например, у Таммсааре написано *sedavõrt*, а в 1939 году правила требовали уже другой орфографии (*sedavõrd*). В других случаях происходила замена устаревших слов новыми.

Мы также выяснили, что издание 2007 года не является переизданной копией перевода 1958 года, как нам казалось раньше, здесь также используется переводная лексика издания 1987 года. В то же время в переводе 2007 года всего несколько слов не соответствуют переизданию 1958 года. По какому принципу некоторые лексемы были заимствованы редакторами из переиздания 1987 года, мы пока не знаем.

2.2 Перевод реалий

Перевод не только передает содержание текста, но и предоставляет возможность служить посредником между культурными традициями и национальными особенностями, что наилучшим образом проявляется в художественной литературе. Авторы часто используют в своих произведениях характерные только для одной культуры, специфические элементы — реалии, которые усложняют работу переводчиков, а также испытывают эрудицию читателей.

По мнению переводчиков С. Влахова и С. Флорина, многие авторы, пишущие о реалиях, предоставляют лишь приблизительные и неполные определения этого термина. В нашем исследовании мы рассматриваем реалии как лексические единицы, и поэтому мы присоединяемся к толкованию болгарских ученых, которые видят в реалиях самостоятельный круг слов в рамках безэквивалентной лексики [Влахов, Флорин: 44]:

...это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода [Там же: 47].

В романе «Преступление и наказание» встречаются разные реалии, и ниже мы рассмотрим некоторые из них.

Перевод наименований денежных единиц

В первой главе первой части романа процентщица напоминает Раскольникову сумму, полученную за кольцо в прошлый раз, и использует слово «билетик», называя также денежную единицу — рубль.

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
билетик	–	–	–	–	–	–
гривна	–	–	–	–	–	–

Хотя в романе не указан год, когда происходит действие, считается, что Достоевский был вдохновлен реальным преступлением, произошедшим 27 января 1865 года. Убийцей оказался раскольник Герасим Чистов, а подробности убийства были очень похожи на описанные в романе [Першкина]. Но если считать, что действие произведения происходит в 1865 году, то как раз в это время кредитные билеты служили неразменными бумажными деньгами [БРЭ 2004–2017], то есть один «билет» равнялся одному рублю⁶.

За колючку вам прошлый раз **два билетика** внесла, а оно и купить-то его новое у ювелира за **полтора рубля** можно [Достоевский 1973: VI, 9].

⁶ Бумажный рубль впервые появился в России в 1843 году. Официально он назывался «государственный кредитный билет», за что сразу же получил прозвание «билетик» [Музей Банка России].

Как мы видим, в эстонском переводе слово «билетик» опущено, а вместе с тем и «рубль» во второй половине предложения, который присутствует в оригинале. Лексема «билетик» действительно непонятна эстонскому читателю, хотя ее замена на «рубли», не была бы ошибочной. Однако такая замена не улучшила бы перевод, поскольку название реалии, использованной в оригинале, все равно передано не было бы.

Ср. у Таммсааре:

Sõrmuse eest andsin mineval korral **kaks**, aga seda võiks ju uelt kullasepa juurest **poolteise** eest osta [Dostojevski 1929: 13].

Обновители перевода, так же, как и Таммсааре, придерживались принципа контекстуального перевода, при котором содержание передается путем трансформации контекста. Это связано с отсутствием точного эквивалента для переводимого слова [Влахов, Флорин: 92–93]. В результате передачи контекста названия денежных единиц остались непереуведенными, но читателю понятно, что речь идет о деньгах.

Sõrmuse eest andsin mineval korral **kaks**, aga seda võiks ju uuest peast kullasepa juurest **poolteise** eest osta [Dostojevski 2020: 14].

Это не значит, что реалия «рубль» в значении «денежная единица» всегда опускается. Напротив, как правило, название валюты передается, тем более, что рубль — знакомая эстонским читателям единица.

В следующем нашем примере Алена Ивановна подсчитывает свои проценты и также называет денежные единицы.

...коли **по гривне** в месяц с рубля, так за полтора рубля причтется с вас пятнадцать копеек, за месяц вперед-с. [Достоевский 1973: VI, 10].

В переводе на эстонский язык слово «гривна»⁷ опущено как у Таммсааре, так и во всех обновленных изданиях перевода, поскольку гривна более известна как украинская денежная единица.

...kui **rubla** pealt kuus **kümme** arvata, siis tuleb poolteise rubla pealt kuus viistest kopikat ette [Dostojevski 1929: 14];

Ср. в издании 2020 года (в предложении исправлены только грамматические конструкции):

...kui **rubla** pealt kuus **kümme** arvata, siis tuleb **poolteise rubla** pealt kuus **viisteist kopikat** ette [Dostojevski 2020: 15].

⁷ Гривенник или в старом просторечии — гривна и грива, это — 10 копеек [Федосюк].

Переводы мер

В первой главе четвертой части романа Раскольников описывает Разумихина и его драку с блюстителем закона, который был ростом двенадцать вершков.

...он одним ударом ссадил одного блюстителя **вершков** двенадцати росту [Достоевский 1973: VI, 44].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
вершок	versok	—	—	—	—	verssok

Слово «вершок» «происходит от „верх“, то есть росток, всход — стебелек, пробившийся из земли. Мера вершка равна приблизительно 4,45 см» [Федосюк]. Несложное вычислительное действие дает ответ, что рост «блюстителя» был около пятидесяти трех сантиметров, к которому нужно было прибавить два аршина (так измерялся в XIX веке рост человека).

Таммсааре перевел это так, как написал Достоевский:

...virutas ta kordniku, kes oli **versokit kaksteist pikk**, ainsa hoobiga maha [Dostojevski 1929: 68].

Но уже в отредактированных переводах с 1939 по 2007 год часть текста, которая описывает рост, опущена.

... virutas ta politseiniku ainsa hoobiga maha [Dostojevski 1939: 78, Dostojevski 1958: 55, Dostojevski 2007: 42, Dostojevski 1987: 52].

В 2020 году в текст снова включено словосочетание, описывающее рост:

...virutas ta kaheteistkümnne **verssoki** pikkuse korralvuri ainsa hoobiga maha [Dostojevski 2020: 62].

В первой главе первой части романа Раскольников, обдумывая будущее преступление, обнаруживает, что его шляпа слишком бросается в глаза, видна уже издалека и ее могут запомнить.

Никто таких не носит, **за версту** заметят, запомнят... <...> [Достоевский 1973: VI, 7].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
за версту	versta maa peale	versta maa peale	versta maa peale	versta maa peale	versta maa peale	versta maa peale

Верста — «составляла из 1,06 километра и была самая крупная русская мера длины, измерялись ею большие расстояния, дороги, реки и т. п. Поэтому называли ее путевой мерой» [Федосюк].

В старину верста была единицей длины и в Эстонии, поэтому это наименование не чуждо и эстонскому читателю. Также знакомо выражение *за версту 'versta maa peale'*, как все переводчики перевели, хотя естественнее было бы на эстонском языке *versta kaugusele*.

Keegi ei kanna niisugust, **versta maa peale** torkab teine silma, jääb meelde... <...> [Dostojevski 1929: 10, Dostojevski 1939: 8, Dostojevski 1958: 7, Dostojevski 1987: 7, Dostojevski 2007: 7, Dostojevski 2020: 11].

Перевод обращений

В первой главе первой части романа Раскольников направляется к ростовщице — Алене Ивановне, чтобы заложить свои серебряные часы. Когда он приходит, кредиторша обращается к нему со словом «батюшка». Это устаревшая форма ласкового обращения к мужчине, которая часто использовалась в речевом этикете России [ФСЗЛЯ].

А с пустяками ходишь, **батюшка**, ничего, почитай, не стоит [Достоевский 1973: VI, 9].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
батюшка	isake	isake	isake	armuline härra	isake	armuline härra

Таммсааре перевел обращение «батюшка» также ласковым, эмоционально окрашенным словом *isake*. Хотя колорит российского культурного пространства оказался стертым, замена семантически близка к оригиналу. В ходе обновления «батюшка» был заменен на функциональный аналог⁸ *armuline härra* 'милостивый государь, сударь', что придает слову совершенно иной смысл и еще больше отдаляет от оригинала.

Käid tühiste asjadega, **isake**, see ei maksa peaaegu midagi [Dostojevski 1929: 13];

Ср. с обновлениями 1987 и 2020 годов:

Käid tühiste asjadega, **armuline härra**, see ei maksa peaaegu midagi [Dostojevski 2020: 14].

⁸ Функциональный аналог позволяет заменить незнакомую читателю перевода реалию на другую, знакомую [Влахов, Флорин: 91].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
милостивый государь	armuline härра	armuline härра	armuline härра	armuline härра	armuline härра	armuline härра
сударь	härра	härра	härра	härра	härра	härра
Ну-с	–	–	–	–	–	–
государь	härра	härра	härра	härра	härра	härра
господин	härра	härра	härра	härра	härра	härра

В первой главе второй части романа Мармеладов беседует с Раскольниковым в трактире, используя ряд вежливых обращений, характерных для употребления в России XIX века.

Юрий Федосюк, автор книги «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века», из которой мы уже приводили цитаты выше, пишет о разнообразии обращения между малознакомыми и незнакомыми людьми интересующего нас периода:

Наиболее уважительным и официальным обращением служила формула «МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ, МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ». Эта формула имела очень строгий, холодный оттенок. <...> В просторечии формула обращения повсеместно упростилась в ГОСУДАРЬ, ГОСУДАРЫНЯ, а затем <...> СУДАРЬ, СУДАРЫНЯ стало наиболее частым обращением <...> обычно незнакомым. <...> Частое повторение в речи слова «сударь» свидетельствовало об уважении к называемому. Отсюда родилось знаменитое «слово-ер-с», <...> то есть прибавление к словам звука «с», сокращения от «сударь» [Федосюк].

В эстонском языке нет такого разнообразия в обращениях к другим людям и поэтому переводчикам приходится пользоваться аналогом *härра*, который является единственно возможным вариантом перевода такого рода «русской вежливости», и которому последовали все переводчики, начиная с Таммсааре. К сожалению, утерян исторический колорит вариативности русского обращения.

Милостивый государь, милостивый государь! <...> Позволительно, **сударь**. Ну-с, **государь** ты мой <...> [Достоевский 1973: VI, 19–20];

Ср.:

Armuline härра, armuline härра! <...> See on lubatav, **härра**... Noh, mu **härра** <...> [Dostojevski 1929: 30, Dostojevski 1939: 32, Dostojevski 1958: 24, Dostojevski 1987: 22–23, Dostojevski 2007: 19, Dostojevski 2020: 29].

В романе также используется обращение «господин» при упоминании таких персонажей, как, например, Лужин, Свидригайлов и Лебезятников, который также заменен функциональным аналогом – *härра*.

Дополнительно мы включили в Приложение список непрокомментированных, но встречающихся в романе реалий. Это позволит нам изучить, какие решения переводчики находили, и сделать соответствующие выводы. Мы выбрали слова «желтый билет», «рюмка» и «водка» — все эти реалии знакомы эстонцам и поэтому нас особенно интересует их перевод (См. таблица № 3).

На основании приведенных примеров можно сказать, что переводчики постарались найти в тексте Достоевского соответствия реалиям. Совершенно незнакомые эстонскому читателю реалии, такие как «билетик» или старинные копейки — «гривны», опущены. Зато реалии мер переведены очень точно.

«Желтый билет» или «желтый паспорт», как его называли в Эстонии, также знакомое понятие, но, пожалуй, не современному читателю. Однако перевод реалий «рюмка» и «водка» вызывает удивление, поскольку оба слова исторически очень известны в Эстонии, переводчики использовали для них слова-заменители. Такая тенденция сохранялась даже у переводчиков 1958 года. Свои наименования *pits* и *viin* они получили только в 1987 году (издание 2007 года воспроизводит редакцию 1958 года). Для ясности следует добавить, что как Таммсааре, так и обновители перевода в 1958 году, использовали в произведении эти реалии, заменяя их привычными для эстонского языка названиями *pits* и *viin*, но эти слова появляются только в пятой части произведения, которая не рассматривается в нашей работе.

Но самое сложное — это обращения. На эстонском языке для них нет другого решения, кроме как замена функциональным аналогом. Транскрипцией ни один из переводчиков не воспользовался, и это не привело бы к лучшему результату, поскольку их вариативность велика, и все они весьма чужды эстонскому читателю. Стирается весь колорит, и замена в переводе обращением *härira*, на самом деле единственное возможное решение для передачи устаревших к настоящему времени русскоязычных обращений. В качестве исключения можно указать на реалию «батюшка», которой Таммсааре нашел более точное соответствие *isake*, чем обновители перевода 1987 и 2020 годов.

2.3 Перевод отклонений от литературной нормы

В литературных произведениях могут использоваться различные языковые элементы, от просторечия до книжной лексики. Язык художественной литературы передает чувства и

мысли при помощи языковых средств, которые оказывают эмоциональное воздействие на читателя, вызывая у него сопереживание происходящему. Автор художественного произведения не просто сообщает информацию, а создает художественный образ, отражающий как внешний мир, так и внутренний мир человека. Такое многообразие языковых средств усложняет работу переводчиков, поскольку в произведении используется не только лексика литературного языка, но и различные подязыки.

Роман «Преступление и наказание» служит хорошим примером языкового разнообразия, поскольку в нем встречаются просторечие, ломаная речь, жаргон и авторские окказионализмы. Все отклонения такого рода нарушают литературную норму, но в то же время передают реалистичную картину жизненных ситуаций.

Литературная норма — это правила использования языка, которые широко признаны и единообразно применяются в литературе в определенный период времени. Основные черты нормы русского литературного языка включают: стабильность в использовании лексического материала, широкое распространение, общественное признание, обязательность для всех, соответствие употреблению, обычаю. Источниками литературных норм могут быть классические литературные произведения, общепринятые языковые стандарты современности и научные исследования [Каменская и др: 13].

По мнению С. Влахова и С. Флорина, все остальное, что выходит за пределы литературной нормы, можно назвать «отклонением от литературной нормы» – объединяющий термин для всех случаев изменения литературного языка и речи [Влахов, Флорин: 251].

С одной стороны, Влахов и Флорин сходятся во мнении, что отклонения от литературной нормы невозможно передать на другом языке, но с другой стороны они находят, что искажения могут быть переданы с помощью определенных грамматических или лексических средств, способных воспроизвести их роль в системе контекста [Там же: 250].

Далее мы рассмотрим изобретательность переводчиков на примере фрагментов монологов и диалогов встречающихся в тексте.

2.3.1. Перевод просторечий

Одной из разновидностей русского языка является просторечие. Просторечие включает в себя различные языковые элементы, такие как слова, грамматические формы, обороты и особенности произношения, которые используются для грубого или непринужденного выражения мыслей. Это явление не связано с определенным географическим регионом или социальной группой [Каменская и др: 5]. Очень часто просторечие упоминается в связи с речью «носителей национального языка, недостаточно владеющих литературными нормами и не осознающих различия между литературными и нелитературными нормами» [Каменская и др: 5]. Мы считаем, что использование просторечных слов ни в коей мере не свидетельствует о низком уровне образования, тем более это не говорит о том, что человек не отличает литературные нормы от нелитературных. Скорее, мы придерживаемся мнения, что образованный и культурный человек не употребляет грубых просторечных выражений. Но в романе Достоевского «Преступление и наказание» можно найти примеры простречия.

В третьей главе первой части романа кухарка Настасья будит Раскольникова и рассказывает ему о его бытовых проблемах.

Прасковья-то Павловна **в полицу** на тебя хочет жалиться <...> Денег не платишь и с **фатеры** не сходишь [Достоевский 1973: VI,26].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
в полицу	politseis	politseis	politseis	politseis	politseis	politseis
фатера	korter	korter	korter	korter	korter	korter

В этом примере кухарка не выговаривает все гласные в просторечном или диалектном выражении «в полицу» и называет квартиру «фатерой». Фатера — это по словарю Даля искаженный вариант слов «квартира, помещенье, жильё» [Словарь Даля].

Таммсааре не сохранил просторечный характер языка героини, но постарался немного приблизиться к этому. В эстонском языке после глагола *kaevata* обычно следует внутренне-местный падеж вхождения, который отвечает на вопрос «куда?», т. е. *kaevata politseisse*, а Таммсааре выбрал внутренне-местный падеж нахождения, который отвечает на вопрос «где?», т. е. *kaevata politseis*, что не является неправильным, но в основном используется

первый вариант. Хотя, с другой стороны, мы не знаем, какой из вариантов использовался сто лет назад. Просторечное слово «фатера» Таммсааре заменил нейтральным *korter* 'квартира'.

Praskovja Pavlovna tahab sinu peale **politseis** kaevata <...> Sa ei maksa ju **raha** ega lähe ka **kortérist** välja [Dostojevski 1929: 39, Dostojevski 1939: 44].

В поздних изданиях романа структура предложения немного изменена, она становится ближе к структуре, которую мы находим у Достоевского, но перевод просторечия не изменился. Также заменено слово «деньги» на лексему *аренда 'üür'*, замена позволила переводчикам отдалиться от просторечных выражений кухарки. Хотя «деньги» не просторечное слово, в устах героини оно звучит естественнее, чем *üür*.

Praskovja Pavlovna tahab **politseis** sinu peale kaevata <...> Sa ei maksa ju **üüri** ega lähe ka **kortérist** välja [Dostojevski 1958: 31, Dostojevski 1987: 30, Dostojevski 2007: 24, Dostojevski 2020: 37].

Рассмотрим еще некоторые примеры из того же разговора. Раскольников не хочет работать за малые деньги, но Настасья считает, что надо копить понемногу, а не стремиться получить «сразу весь капитал». Сам Раскольников редко употребляет просторечие, но в диалоге с Настасьей такие слова характеризуют и его речь. Например, он проявляет безразличие к труду, потому что его одолевают новые идеи, которые дают возможность быстро разбогатеть:

Без сапог нельзя детей учить. **Да и наплевать** [Достоевский 1973: VI, 27].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
Да и наплевать	Pealegi – sülitан kõigele	Pealegi – sülitан kõigele	Pealegi – ma sülitан kõige peale	Pealegi – ma sülitан kõige peale	Pealegi – ma sülitан kõige peale	Pealegi – ma sülitан kõige peale

Таммсааре постарался перевести фразу «да и наплевать» также кратко и конкретно, близко к оригинальному тексту.

Ilma saabasteta ei saa lapsi õpetada. **Pealegi – sülitан kõigele** [Dostojevski 1929: 40, Dostojevski 1939: 45].

Однако, начиная с обновлений 1958 года, к выражению было добавлено наречие *peale*, и оно стало чрезмерно перегруженным.

Ср. с более поздними редакциями:

Kui pole saapaid, siis ei saa lapsi õpetama minna. **Pealegi – ma sülitän kõige peale** [Dostojevski 2020: 38].

Еще один нюанс, который упустили все переводчики, заключается в том, что Раскольникову не «все» безразлично, как можно прочитать в эстонском переводе. Ему плевать на работу, но он решительно следует поставленной перед собой новой цели — убийству процентщицы — поэтому здесь был бы уместен более точный перевод *sülitän sellele*, а не *kõigele*.

Настасья пытается убедить Раскольникова, что нет смысла плевать в старый колодец, пока не появится новый:

Ну, ты помаленьку, а то **испужаешь**; страшно уж очинна [Достоевский 1973: VI, 27].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
ну	noh	noh	noh	noh	noh	noh
испужаешь	kohutad ära	kohutad ära	kohutad ära	kohutad ära	kohutad ära	kohutad ära
уж очинна	liiga	liiga	liiga <...> kohe	liiga <...> kohe	liiga <...> kohe	liiga <...> kohe

Как мы видим, вместо «испужаешь» героиня употребляет дилектную форму — «испужаешь» [Словарь Ушакова] и вместо «очень» – просторечное «очинна», что усиливается частицей «уж».

Как мы видели, Таммсааре использовал нейтральные слова для передачи просторечной речи. Для перевода словосочетания «уж очинна» используется одно лишь — *liiga* ‘чрезмерно’, ‘слишком’ [EVS]. Хотя просторечия в предложении Таммсааре нет, междометие *noh* усиливает скептическое отношение героини и указывает на разговорную речь.

Noh, ikka vähehaaval, muidu **kohutad ära**; **liiga** hirmus hakkab [Dostojevski 1929: 40, Dostojevski 1939: 45].

В 1958 году обновители перевода усовершенствовали текст Таммсааре, внося изменения. Во-первых, передается обращение «ты», но не местоимением, а глаголом второго лица будущего времени единственного числа *hakka peale* ‘начинай’. Во-вторых, слово *vähehaaval* заменено разговорным *väikselt* ‘скромно’, ‘потихоньку’, ‘помаленьку’ [EVS]. В-третьих, для передачи усилителя «уж» найдено слово *kohe*, которое заполняет место второго слова, отсутствующее в переводе Таммсааре. Все эти изменения хорошо соответствуют

формулировке оригинального произведения, хотя переданы средствами разговорного, а не просторечного языка.

Ср.:

Noh, hakka ikka **väikselt** peale, muidu **kohutad ära**; **liiga** hirmus **kohe** [Dostojevski 1958: 32, Dostojevski 1987: 30, Dostojevski 2007: 25, Dostojevski 2020: 38].

Как мы уже упоминали, в романе также используются ругательства. В толковых словарях к такой лексике добавлены разные примечания: бранная, вульгарная, грубая, грубо-просторечная. Но все указанные категории относятся к стилистически сниженному словарному запасу, и поэтому мы считаем их частью просторечия.

Во второй главе первой части романа Катерина Ивановна выходит из себя и кричит на мужа за то, что тот пропил все деньги, используя ругательства:

Колодник! Изверг! [Достоевский 1973: VI, 24];

Ср. у Таммсааре:

Pakkvang! Inimesejätis! [Dostojevski 1929: 35, Dostojevski 1939:39].

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
колодник	pakkvang	pakkvang	kurjategija	kurjategija	kurjategija	kurjategija
изверг	inimesejätis	inimesejätis	peletis	peletis	peletis	peletis

Устаревшее слово колодник — это осужденный в тяжелых деревянных оковах, надевавшихся на шею, руки, ноги; в начале XIX века колодки были заменены кандалами [РГТ]. В русско-эстонском словаре есть описательный перевод этого понятия — *jalapakkudes vang* [VES].

Таммсааре использовал в переводе слово *pakkvang*. Мы не знаем, мог ли такой дериват использоваться среди простонародья XIX и начала XX веков, как и не можем исключить вероятность того, что это может быть авторский окказионализм. В ортологическом словаре, изданном в 1930 году, приводятся примеры со словом *pakk*, где оно является частью сложного слова. Эти слова образуются по немецкоязычному образцу, в которых первое слово многих сложных слов начинаются лексемой *Klotz* или *Block*. В качестве примера приведены следующие сложные слова: *pakktaru* = *pakk-mesipuu* 'Klotzbeute', *pakkkratas* 'Blockrad', *pakkpõrand* 'Klotzpflaster' [EÕS: 687]. Как мы видим, производное слово сформировано по

тому же образцу, как перевел Таммсааре, но современному читателю оно остается непонятным.

Второе произнесенное ругательство — «изверг», слово, которое происходит от глагола «извергать» и используется по отношению к человеку, который «заслуживает быть изверженным из общества, собственно злодей, лютой, жестокий человек» [Словарь Даля].

В переводе Таммсааре «изверг» — *inimesejätis*, т. е. изверг рода человеческого [VES], что хорошо передает сказанное в оригинальном тексте.

В 1958 году при обновлении перевода слово *pakkvang* было заменено нейтральной лексемой *kurjategija* 'преступник', а *inimesejätis* стало пренебрежительным ругательством *peletis*, которое гораздо снисходительнее, мягче по своей семантике, чем грубо-просторечное «изверг».

Pakkvang! Peletis! [Dostojevski 1958: 28, Dostojevski 1987: 27, Dostojevski 2007: 22, Dostojevski 2020: 33].

В конце второй главы первой части романа, когда Раскольников размышляет о сущности человеческого рода, есть еще одно ругательство — «подлец-человек», которое Таммсааре перевел также *inimjätis*, и с этим согласились последующие редакторы. Позже они исправили перевод в предыдущем примере, чтобы различить слова «подлец-человек» и «изверг», введя изменение в перевод слова «изверг».

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
подлец-человек	<i>inimjätis</i>	<i>inimjätis</i>	<i>inimjätis</i>	<i>inimjätis</i>	<i>inimjätis</i>	<i>inimjätis</i>

Ко всему-то **подлец-человек** привыкает! [Достоевский 1973: VI, 25];

Ср. с эстонским переводом:

Kõigegea harjub **inimjätis!** [Dostojevski 1929: 37, Dostojevski 1939:41, Dostojevski 1958: 30, Dostojevski 1987: 28, Dostojevski 2007: 23, Dostojevski 2020: 35].

По приведенным примерам можно сделать вывод, что хотя переводчикам и не удалось перевести просторечие эстонскими соответствиями, они попытались ввести предложения разговорные слова, что приблизило переведенный текст к оригинальному произведению.

Изменения, внесенные в 1958 году, в некотором смысле противоречивы. С одной стороны, добавлены элементы, приближающие текст к разговорной речи, например *liiga* → *liiga* <...>

kohe. С другой стороны, также заметно сглаживание текста на примере замен *raha* → *üür*, *inimesejätis* → *peletis*.

2.3.2. Ломаная речь

В этом подразделе мы займемся разбором некоторых выражений Амалии Липпехель — хозяйки квартиры Мармеладовых. Он немка по национальности и плохо владеет русским языком. В ломаной речи встречаются неправильности по незнанию языка, а также необычное для носителей языка произношение. Болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин считают, что ломаная речь иностранца, не знающего исходного языка, должна прозвучать естественно на переводимом языке и поэтому передавать ее следует функционально [Влахов, Флорин: 258], то есть речь передается таким образом, чтобы ошибки и произношение соответствовали переводимому языку.

В седьмой главе второй части романа Амалия Липпехель, как и все присутствующие, потрясена происшествием, которое случилось с Мармеладовым, хочет предложить свою помощь и говорит на своем ломанном языке:

Ах, бог мой! — всплеснула она руками, — **ваш муж пьян лошадь изтопталъ. В больниц его!** Я хозяйка! [Достоевский 1973: VI, 141];

Ср. с эстонским переводом:

„Ah, mu jumal!“ lõi ta käsi kokku. „**Teie mees purjus hobune tallap. Viip haigemaja!** Mina olen perenaine!“ [Dostojevski 1929: 224, Dostojevski 1939: 264, Dostojevski 1958: 185, Dostojevski 1987: 172, Dostojevski 2007: 138, Dostojevski 2020: 202].

Катерина Ивановна расстроена неправильно изложенным фактом и не может сдержаться, сделав ей замечание и называя ее Амалией Людвиговной. Амалия Липпехель не соглашается с ней и возражает:

Я вам **сказал раз-на-прежде**, что вы никогда **не смель говоришь мне Амаль Людвиговна; я Амаль-Иван!** [Достоевский 1973: VI, 141];

Ср. с эстонским переводом:

Mina teile **ütlep alati kord enne, teie ei tohip mulle mitte ütlema Amal Ljudvigovna; mina olen Amal-Ivan** [Dostojevski 1929: 224, Dostojevski 1939: 264, Dostojevski 1958: 185, Dostojevski 1987: 172, Dostojevski 2007: 138, Dostojevski 2020: 202].

Таммсааре был хорошо знаком с немецким акцентом в произношении эстонских слов и допускаемыми грамматическими ошибками, поскольку жил в то время, когда в Эстонии еще было много немцев. Он очень хорошо передал произношение — в окончаниях слов, где эстонцы произносят смычные согласные мягко, а немцы выговаривают их с особой твердостью, иногда добавляя согласные туда, где их в эстонском языке вообще нет.

Неточности из-за незнания языка также очень хорошо переданы и соответствуют оригинальному тексту. В ходе обновлений редакторы доверились опыту Таммсааре и не нашли в его переводе ничего, что требовало бы исправления.

2.3.3. Жаргонизмы и окказионализмы

Согласно словарю литературоведческих терминов, жаргон — это эмоционально-экспрессивно окрашенная речь; ненормативный условный язык какой-либо социальной группы, отличающийся от общеупотребительного. Он по-своему дублирует разговорный язык, но в «зашифрованной» форме, что делает речь говорящих на нем непонятной для непосвященных [СЛТ]. Таким образом, можно сказать, что жаргон — это язык тайны. В художественной литературе жаргонизмы используются как средство художественной выразительности.

По мнению многих авторов, включая С. Влахова и С. Флорина, жаргон также тесно связан с просторечием и нередко отождествляется с ним или переходит в него [Влахов, Флорин: 253].

Мы будем рассматривать жаргонизмы и окказионализмы в одной подглавке. Во-первых, в наших примерах они выступают вместе в одном фрагменте. Во-вторых, они настолько тесно связаны между собой в творчестве Достоевского, что в некоторых случаях даже нельзя однозначно сказать, является ли то или иное слово жаргонизмом или окказионализмом.

Находясь на каторге, Достоевский записал интересные высказывания других заключенных и позднее использовал зафиксированные фразы в своих произведениях. «Моя тетрадка каторжная», как Достоевский сам назвал сборник своих записей, по мнению исследователей В. Владимирцева и Т. Орнатской,

... точнее всего определяют время, место и обстоятельства ее творческого заполнения. Да и самый «жанр», если можно так выразиться, тоже. «Тетрадка» освобождала Достоевского от каких бы то ни было жанровых и иных литературных правил и норм, официальных авторских обязанностей, позволяя полностью скрывать свое творческое лицо за арестантской речью [Владимирцев, Орнатская: 45–46].

Поскольку в романе «Преступление и наказание» немало выражений из этой тетради, в том числе и в приводимых нами примерах, мы сочли необходимым сообщить, к какому периоду жизни Достоевского они восходят. Можно также предположить, что герой, употребляющий каторжный жаргон, сам побывал в местах заключения.

Во второй главе шестой части романа Раскольников невольно подслушивает разговор рабочих. Старший хвастается своей популярностью среди женщин и делаясь своими впечатлениями, использует своеобразную лексику.

«И что ты, говорю, передо мной лимонничаешь, чего ты передо мной, говорю, апельсинничаешь?» [Достоевский 1973: VI,133].

Похожий глагол — «лимониться» встречается уже в словаре Даля и означает — ломаться, важничать [Словарь Даля]. А глагол — лимонничать — лебезить, заигрывать, сладко петь зафиксирован в словаре арготизмов каторги и лагерей императорской и советской России Леонида Городина [СРА:125]. Именно в этом значении Достоевский его использует в романе. Все это говорит о том, что Достоевский не сам придумал этот глагол, а услышал его, находясь в заключении. Поэтому это вовсе не результат творчества Достоевского, а услышанное им выражение во время пребывания в остроге. Но тем не менее, в оборот ввел этот глагол именно Достоевский. Однако глагола «апельсинничать» мы не обнаружили в словарях тюремного жаргона, хотя запись автора говорит о том, что этот глагол он также услышал на каторге. Кроме того, оба фрукта — лимон и апельсин были хорошо известны заключенным (мы полагаем, правда, что не в Сибири, а в петербургских и московских тюрьмах), так как они служили средством доставки спирта в тюрьму. Такая деятельность упомянута В. Трахтенбергом в его сборнике тюремного жаргона, где он пишет, что спирт проносили в стены тюрьмы «в наколотых булавкою апельсинах и лимонах, предварительно выжатых и затем насыщенных им» [Трахтенберг]. Таким образом, и лимон, и апельсин ассоциировались у заключенных с чем-то приятным, что помогало облегчить им страдания.

Таммсааре образовал такие же глаголы от эстонских существительных *sidrun* 'лимон' и *apelsin* 'апельсин'. Хотя такой перевод кажется «отчуждающим» и даже юмористическим, следует признать, что и русским читателям эти глаголы не были знакомы. В отредактированных изданиях, начиная с 1958 года, текст сглажен. Два глагола объединены в один, который передает мысль Достоевского, но теряет всю эмоционально-экспрессивную окраску, важную для автора. Ничто не указывает на то, что высказывание рабочего относится к какому-то неизвестному его собеседникам использованию языка. Кроме того, обновленные эстонские переводы не смогли передать, насколько экзотично и приятно эта дама подействовала на говорящего, который делится своими впечатлениями с другим работником.

«И что ты, говорю, передо мной **лимонничаешь**, чего ты передо мной, говорю, **апельсинничаешь?**» [Достоевский 1973: VI,133];

Ср. у Таммсааре:

Ütlen teisele, et mis sa minu ees **sidrunitsed**, mis sa minu ees **apelsinitsed**? [Dostojevski 1929: 213, Dostojevski 1939: 252].

Ср. в отредактированных изданиях:

Ütlen talle, et mis sa minu ees **edvistad**? [Dostojevski 1958: 176, Dostojevski 1987: 164, Dostojevski 2007];

Ütlen talle: mis sa minu ees **edvistad**? [Dostojevski 2020: 192].

Перейдем к следующему примеру из этого же разговора, в котором рабочий описывает изображения, напечатанные в журналах, и использует для характеристики женщин необычное слово «суфлера».

Мужской пол всё больше в бекешах пишется, а уж по женскому отделению такие, брат, **суфлеры**, что отдай ты мне всё, да и мало! [Достоевский 1973: VI,133].

Согласно Трахтенбергу, в сибирских острогах называли «суфлерою» всякую торгующую собою женщину [Трахтенберг]. Исторический словарь галлицизмов русского языка дополняет сказанное выше и прибавляет еще одно толкование — так называли любовницу арестанта [ИСГЛЯ]. Как профессия суфлера, то есть подсказчика актерам в театре, связана с тюремным жаргоном, можно только предполагать. Возможно, что их объединяет передача информации, которой преступники пользовались с помощью таких женщин в качестве наводчиц. Это означает, что рабочий сразу же придал нарисованным женщинам дополнительное значение. По его мнению, это не просто женщины-манекены, а изображение женщин легкого поведения.

В эстонском переводе этот термин остается неизменным и во всех редакциях имеет одну и ту же форму — *suflöör* ‘суфлера’. Также слову *suflöör* в эстонском орфографическом словаре 1937 года дано только одно объяснение — *etteütteleja [eriti näitelaval]* [EÕS 1937: 1441] ‘подсказчик [особенно на сцене]’. Примечательно еще то, что в этом же словаре приведен пример слова «подсказчица» — *suflöös (naisetteütteleja)* [Там же], которое является заимствованием из французского языка. Но как мы видим, Таммсааре не взял этот чужой образец за основу.

Ср. у Таммсааре:

Meeste-sugu maalikse ikka enamasti saterkuues, mis aga naiste jaoskonnasse puutub, siis, va vennas, on seal niisugused **suflöörid**, et anna mulle nende eest kas või kõik, ikkagi on vähe [Dostojevski 1929: 214; Dostojevski 1939: 252];

Ср. в отредактированных изданиях:

Mehed maalitakse ikka enamasti saterkuues, mis aga naistesse puutub, siis, va vennas, on seal niisugused **sufloorid**, et anna mulle nende eest kas või kõik, mis sul on, ikkagi on vähe [Dostojevski 1958: 177, Dostojevski 2007: 132];

Mehed maalitakse ikka enamasti saterkuues, mis naistesse puutub, siis, mu sõber, on seal niisugused **sufloorid**, et anna mulle nende eest kas või kõik, mis sul on, ikkagi on vähe [Dostojevski 1987: 164, Dostojevski 2020: 193].

Если термин «суфлера» определенно принадлежит к воровскому и тюремному жаргону и его нельзя считать окказионализмом Достоевского, то в случае с глаголами «лимонничать» и «апельсинничать» дело, видимо, обстоит не так. Хотя они и употреблялись в каторжном жаргоне, они малоизвестны и широкой аудитории их представил именно Достоевский.

Как в приведенном предложении, так и во всем этом фрагменте есть еще немало интересных разговорных и просторечных примеров, но объем работы не позволяет отдельно на них остановиться, поэтому мы указали только на жаргонизмы и окказионализмы.

В переводе жаргонизмов и окказионализмов, Таммсааре проявил изобретательность. Он стремился передать тюремный жаргон на эстонском языке. Однако обновители перевода, как показал первый приведенный пример, сгладили текст, утрачивая важную для Достоевского эмоционально-экспрессивную окраску каторжного жаргона.

Глава 3.

Перевод фразеологизмов

Достоевский использует в «Преступлении и наказании» большое количество фразеологизмов. Их перевод требует очень хороших языковых навыков и знаний в области культурных традиций, но зачастую именно фразеологизмы являются испытанием для переводчиков. Достоевский еще больше усложняет эту задачу, поскольку частично меняет структуру фразеологизмов: отдельные лексические компоненты могут быть в них опущены или заменены другими. С другой стороны, эстонские переводчики имеют преимущество перед многими другими европейскими или американскими коллегами, поскольку географическая близость и переплетение культур привели к языковым заимствованиям, в том числе фразеологическим, и именно поэтому в эстонском языке довольно много эквивалентных фразеологизмов, которые без затруднений понятны при переводе. Но есть и такие выражения, которые не имеют равноценного эквивалента или аналога, и при их переводе используется нефразеологический перевод, то есть фразеологическую единицу передают при помощи лексических, а не фразеологических средств [Влахов, Флорин: 193].

Критерием отбора являются сложные случаи передачи фразеологизмов, включая устойчивые словосочетания, обработанные Достоевским.

Далее мы рассмотрим некоторые из них, которые встречаются в первой части романа и сравним их с переводами на эстонский язык.

При царе Горохе

В первой главе первой части романа главный герой Родион Романович Раскольников размышляет о своих страхах и задумывается над вопросом, чего люди вообще больше всего боятся? Он уже забросил учебу и заработки, повседневные бытовые нужды его не интересуют и, бездельничая целыми днями, он бессмысленно, с его точки зрения, заигрывался своими мыслями. Совершенно неожиданно для читателя в его сознании мелькает странная мысль о царе Горохе:

Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... **о царе Горохе** [Достоевский 1973: VI, 6].

Фразеологизм «При царе Горохе», который означает *очень давно, в незапамятные времена* [СРФ], здесь, в мысли героя приведен в измененном виде «о царе Горохе». Но уже из

вопросов и ответов, следующих за фразеологизмом, выясняется, что данное объяснение здесь неуместно. Раскольников не думает о прежних временах, а строит планы на будущее, хотя читатель еще не знает, что у него на уме.

Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки! [Достоевский 1973: VI, 6].

Над именем шуточного правителя задумывались уже в XIX веке. Писатель Иван Тимошенко в своем сборнике «Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок» представил в 1897 году первую попытку исследовать прототипы и оригиналы русских пословиц, находящиеся в сочинениях греческих и римских писателей, а также в сборниках древних и средневековых паремнографов [БРБС]. Одно из его предположений основывалось на том, что выражение «царь Горох» могло перейти в русский язык путем устной речи из греческого:

Не переделал ли какой-нибудь грамотей, имени Κόδροϛ⁹ на Горох, передавая греческое выражение по-русски и руководясь при этом лишь некоторым созвучием (Κό[δ]ρο-Горо-). Высказываем это лишь в виде предположения, которого, разумеется, нельзя доказать. Необходимо, впрочем, отметить разницу в тоне: грек относился к имени своего последнего царя с полным уважением, чуть не благоговением, и употреблял свою пословицу вполне искренне; мы же произносим имя нашего мифического царя иронически, с полным недоверием ко всему, что происходило в его правление [Тимошенко: 144].

Ироничное и недоверчивое отношение к этому мифическому персонажу дает, однако, основание предполагать, что помимо «древних времен» его имя используется в значении «нести чепуху», «заниматься пустяками» или «думать ни о чем».

Во всяком случае, к такому же выводу пришел и Таммсааре, заменив при переводе «царя Гороха» на эстонский фразеологизм *iidamast ja aadamast* [FES] и выбрав его настолько удачно, что идиоматическое выражение осталось неизменным во всех отредактированных версиях. Однако в изданиях 1987 и 2020 годов прописная буква заменена на строчную.

Lobisema olen õppinud viimasel kuul, lamades ööd-päevad nurgas ning mõeldes... **iidamast ja aadamast** [Dostojevski 1987: 6, Dostojevski 2020: 10].

Ср. у Таммсааре:

Lobisema olen õppinud viimasel kuul, lamades ööd-päevad nurgas ning mõeldes... **Iidamast ja Aadamast** [Dostojevski 1929: 8, Dostojevski 1939: 6, Dostojevski 1958: 6, Dostojevski 2007: 6].

Строчная буква объясняется тем, что имя собственное «Адам» перешло также в имя обобщенно-собственное «адам» и в связи с изменением грамматики эстонского языка такие имена пишутся со строчной буквы [EKI Keeleviki].

⁹Κόδροϛ – Codrus; Кодр; Кодрос, мифический царь Аттики [РСКД: 307].

Замена прописной буквы на строчную вызывает потерю образа личности, который есть у Достоевского и сохраняется в переводе Таммсааре, хотя эти образы восходят к разным источникам. Царь Горох — это сказочный персонаж, а Адам — библейский. Кроме того, в переводе Таммсааре встречаются как будто два имени — *Iidam* и *Aadam*. Но по мнению эстонского поэта и переводчика Яана Каплинского — это слова-эхо — пара слов, в котором второе слово частично повторяет первое, но никогда не встречается как самостоятельное. Такая пара слов может выражать несколько ироническое отношение к описываемому объекту, а также обобщенность или неопределенность.

Kajasõnaks nimetatakse sõnapaari teist sõna, mis osaliselt kordab esimest, ei esine aga kunagi iseseisva sõnana nagu näiteks teine sõna eesti sõnapaaris tühi-tähi, kimpsudkompsud. Selline sõnapaar võib väljendada mõnevõrra iroonilist suhtumist, nagu mongoli keeles kino-mino (tõlkes umbes 'kinovärk'), ent mõnes keeles mõnel puhul ka üldistust või ebamäärasust, nagu tamili maram-kiram [tamili sõnastikus 'trees and similar growing things' ('puud ja sarnased taimed')] [Kaplinski: 133-134].

Рассматриваемый фразеологизм также является хорошим примером того, что словарные соответствия не всегда являются наиболее подходящими. Русско-эстонский словарь дает фразеологизму «при царе Горохе» соответствия на эстонском языке только в двух значениях *vanal hallil ajal* и *Noa ajal* [VES], что переводится на русский, как «в седые ~ в незапамятные ~ в стародревние времена» и «до потопа» или «во времена Ноя». Зато в эстонско-русском словаре мы найдем больше соответствий этому выражению, в том числе, и «[рассказывать] о всякой всячине» [EVS]. Но это означает, что переводчик должен был знать о существовании такого фразеологизма, иначе перевод не мог бы передать равнозначную семантику по сравнению с устойчивым словосочетанием у Достоевского.

Согласно, классификации С. Влахова и С. Флорина, замена образа при переводе фразеологизма на другой язык позволяет говорить о нахождении подходящего аналога:

ФЕ можно передать на ПЯ¹⁰ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, т.е. фразеологизм ИЯ¹¹~фразеологизму ПЯ переводится вариантом (аналогом); [Влахов, Флорин: 183]; <...>образы двух аналогов (на ИЯ и ПЯ) могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам исполнять исправно свою функцию в переводе [Влахов, Флорин: 187].

Таким образом Таммсааре использовал при переводе эстонский аналог фразеологизма «о царе Горохе» *Iidamast ja Aadamast*, образная структура которого полностью отличается от образности фразеологизма в исходном языке, но является аналогичной по семантике.

¹⁰ ПЯ — здесь и далее переводящий язык (язык перевода)

¹¹ ИЯ — здесь и далее исходный язык (язык оригинала)

Дрожать как лист

Во второй, пятой и седьмой главах первой части романа Достоевский употребляет фразеологизм «дрожать как лист». Это первоначальная форма оборота, которую также использовали в своих произведениях такие поэты, как В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов и другие [СРФ: 340]. Затем она появилась с компонентом-уточнителем – «осина», которая усилила выразительность фразеологизма — «дрожать (трястись, трепетать) как осиновый лист (осиновым листом)» у Н. И. Гоголя, В. Г. Белинского и других литераторов [Там же]. Но в приведенных примерах из первой части романа «Преступление и наказание» фразеологизм встречается только в неосложненном виде.

Во второй главе первой части романа Достоевский описывает сцену, в которой Раскольников провожает Мармеладова домой. Его жена, Катерина Ивановна, расстраивается, когда видит пропившего деньги мужа, и кричит на него. От этого шума просыпаются их дети, и Достоевский описывает испуганное состояние старшей дочери Катерины Ивановны с помощью фразеологизма «дрожала как лист», который он дополнил словами «со сна», которые не являются элементами данного фразеологизма.

Старшая девочка *дрожала со сна как лист* [Достоевский 1973: VI, 24].

В эстонском языке считается фразеологизмом только осложненный вариант *värisema/lõdisema kui/nagu haavaleht* [EVS, VES], который является точным эквивалентом к русскому фразеологизму «дрожать как осиновый лист». Но в диалектах можно встретить и неосложненную версию фразы *värisi ku leht* 'дрожит как лист' [FES].

Таммсааре при переводе опирался на текст Достоевского и не добавил образа «осины» в качестве компонента-уточнителя. Однако он перевел фразу без сравнительного союза «как» – *värises lehena* 'дрожал листом', тем самым создавая различие с оригиналом. Такое усечение и перестановка слов в предложении привели к созданию ритма и метрики четырехстопного дактиля в эстонском переводе. С этим согласились редакторы 1939 и 1958 года, и они не внесли изменений в перевод Таммсааре в этом предложении.

Vanem tütarlaps värises lehena unisest peast [Dostojevski 1929: 36, Dostojevski 1939: 39, Dostojevski 1958: 29].

В 1987 году редакторы произведения изменили перевод Таммсааре, заменив фразу на фразеологизм *värises nagu haavaleht* 'дрожала как осиновый лист' и последующие корректоры придерживались того же мнения.

Vanem tütarlaps **värises unisest peast nagu haavaleht** [Dostojevski 1987: 27, Dostojevski 2007: 22, Dostojevski 2020: 34].

В пятой главе первой части романа Раскольников просыпается от страшного сна. Он дрожит и задается вопросом, готов ли он к такому преступлению, как задумал.

Он **дрожал как лист**, говоря это [Достоевский 1973: VI, 50];

Ср. у Таммсааре:

Lehena värises ta seda rääkides [Dostojevski 1929: 78, Dostojevski 1939: 89, Dostojevski 1958: 64].

Как и в предыдущем примере, в переводе Таммсааре и версии редакторов 1939 и 1958 года сравнение выражено другим грамматическим способом, не при помощи союза «как», а формой падежа. У Достоевского «дрожит как лист», а у Таммсааре — «дрожал листом».

С 1987 года словосочетание трансформировалось в полноценный фразеологизм *värises nagu haavaleht*. Согласно нормам эстонского синтаксиса, части предложения обычно располагаются в следующем порядке: подлежащее, сказуемое, дополнение. Однако этот порядок нарушен не только у Таммсааре, но и во всех обновленных версиях перевода.

Nagu haavaleht värises ta seda rääkides [Dostojevski 1987: 59, Dostojevski 2007: 48, Dostojevski 2020: 70].

В седьмой главе первой части романа снова повторяется тот же фразеологизм, и в его переводе используются те же решения, на которые уже было указано выше. Но перевод этого предложения привлекает внимание по другой причине.

Раскольников только что убил старуху и находился в спальне у ее сундука, когда услышал, как кто-то ходит в другой комнате. Неожиданно для него самого, он вдруг выбежал из спальни и увидел посреди комнаты застывшую от ужаса Лизавету, сестру убитой процентщицы.

Далее Достоевский описывает, в каком состоянии была Лизавета, когда увидела выбежавшего Раскольникова:

Увидав его **выбежавшего**, она **задрожала как лист**, **мелкою дрожью**, и по всему лицу ее **побежали судороги**; <...> [Достоевский 1973: VI, 65];

Ср. у Таммсааре и в отредактированной версии 1939 года:

Raskolnikovi nähes, kes **välja** jooksis, **lõi ta lehena värisema, lõdisema** ja kogu tema näol **jooksid krambid**; <...> [Dostojevski 1929: 102, Dostojevski 1939: 119].

В переводе Таммсааре верно передано, что Раскольников выбежал *'jooksis välja'*, то есть выбежал из спальни. Лизавета задрожала как лист переводится: *'lõi lehena värisema'*. Глагол *lööma* в эстонском языке имеет несколько значений, однако в данном контексте он

используется в прошедшем времени как вспомогательный глагол для образования временной формы, выражающей действие или ситуацию, переход в определенное состояние [EKSS]. *Lõi lehena värisema* эквивалентно *hakkas lehena värisema*, что переводится как «начала дрожать как лист» или «задрожала как лист».

«Мелкою дрожью» – Таммсааре передал глаголом *lõdisema 'tugevasti värisema'* что переводится как *дрожать, трястись (сильно)* [EVS], хотя у Достоевского здесь глагола нет. Достоевский уточняет здесь форму дрожи прилагательным «мелкою». Хотя в словаре мы не смогли найти точного соответствия этому словосочетанию, мы считаем, что это можно перевести как *'vaevumärgatava värinaga'*.

«По всему лицу ее побежали судороги» – Таммсааре перевел это как *'kogu tema näol jooksid krambid'*. На эстонском языке так сказать нельзя — судороги по лицу не «бегают». Это можно было бы перевести как *'krambid/tõmblused kiskusid kogu näo viltu'* или *'kogu nägu kõverdus krampidest'* [Там же], что все же не передает смысл «мелкой дрожи». Это приблизительный перевод перевод фразеологизма нефразеологическими средствами.

В 1958 году корректоры постарались прояснить ситуацию для читателя и вместо «выбежал» перевели — Раскольников «вбежал», то есть вбежал в комнату, а не выбежал из спальни, как у Достоевского. А выражение «мелкою дрожью» вообще опущено. В таком изложении — с опущенным уточнением предложение осталось и в издании 2007 года.

Nähes Raskolnikovi, kes **sisse** jooksis, **lõi ta lehena värisema, lõdisema ja kogu tema näol jooksid krambid**; <...> [Dostojevski 1958: 84, Dostojevski 2007: 63].

В правках 1987 и 2020 годов внесено изменение в перевод фразеологизма, куда добавлен сравнительный союз с уточнением «как осиный лист», но глагол «вбежал» остается неизменным.

Nähes Raskolnikovi, kes **sisse** jooksis, **lõi ta nagu haavaleht värisema ja üle näo jooksid tal krambid**; <...> [Dostojevski 1987: 78, Dostojevski 2020: 92].

Следовательно, можно сказать, что Таммсааре постарался перевести все части предложения. Он перевел фразеологизм без слова-уточнителя, как и у Достоевского. И мы не можем утверждать, что такая форма не пригодна, потому что, как уже говорилось выше, такое выражение существует в эстонских диалектах.

В поздних модернизированных версиях перевода Таммсааре фразеологизм был исправлен на более привычную для эстонского языка форму, но другие неточности в предложении, («выбежал» и «по всему лицу ее побежали судороги») не были замечены. Также не обращено внимание на то, что при корректуре издания 1987 года утеряна одна часть предложения — «мелкою дрожью», которая осталась опущенной и при последнем редактировании.

По одежке протягивай ножки

В четвертой главе первой части романа Раскольников получил письмо от своей матери, из которого узнал, что его сестра, Дуня, хотя и обладает сильным характером, однако склонна к самопожертвованию и собирается выйти замуж за богатого и расчетливого чиновника Петра Лужина. Мать надеялась, что этот брак принесет материальную поддержку их семье. Однако Раскольников не разделял надежду матери и был против этого брака, считая, что брак осуществляется не по любви, а ради жертвенности со стороны сестры в пользу матери и брата. Он иронизирует над тем, как плохо Лужин организует поездку в Петербург для своей будущей жены и тещи, и видит в поведении Лужина унижительное обращение с Дуней и Пульхерией Александровной.

И благоразумно: **по одежке протягивай ножки**; да вы-то, господин Лужин, чего же? [Достоевский 1973: VI, 36].

Согласно словарю русской фразеологии, эта шутливая поговорка означает, что каждый должен жить соразмерно своим средствам или доходам.

Собственно русская поговорка, известная с XVIII в., а возможно, и ранее. При ночлеге в походных условиях, подстилая под себя верхнюю одежду и накрываясь ею, человек не мог вытянуть ноги [СРФ: 418].

Удачен и эквивалентный выбор Таммсааре в переводе фразеологизма, хотя и с иным образным выражением (метафорой) *sea sui sekki mööda*, что в дословном переводе означает «располагай рот по суме». Это устойчивое словосочетание не подвергалось изменениям в последующих редакциях перевода. Он отлично соответствует данной ситуации, в которой Лужин не стремится скрывать свою скупость, а придерживается принципа «каждому по его возможностям».

Väga mõistlikult talitatud: **sea suu sekki mööda**; aga teie, härra Lužin, mis on siis teiega? [Dostojevski 1929: 55, Dostojevski 1939: 63, Dostojevski 1958: 45, Dostojevski 187: 42, Dostojevski 2007: 34, Dostojevski 2020: 51].

Хотя слово *sekk* 'сума' возможно, уже незнакомо современному эстонскому читателю, оно идеально соответствует эпохе, описанной в романе, и, вероятно, поэтому все поздние модернизаторы произведения остались верны выбору Таммсааре.

Хлеб-соль вместе, а табачок врозь

Там же, в четвертой главе первой части романа, Раскольников продолжает свои размышления о жадности и корысти Лужина пословицей:

Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит, и расходы пополам; **хлеб-соль вместе, а табачок врозь**, по пословице [Достоевский 1973: VI, 36].

Пословица приводится в измененном варианте, формулировка которого на самом деле «Дружба дружбой, а табачок врозь». Фраза констатирует неприглядную, по мнению говорящего, ситуацию, когда кто-то из приятелей не желает делиться всем, предпочитает что-то использовать только сам или в определенный момент поступает вопреки ожиданиям, не по-дружески, эгоистично [СНФ]. В контексте романа Раскольников видит Лужина насквозь и понимает, что этот человек способен поделиться только самым необходимым, но лучшим он всегда наслаждается в одиночестве.

Для перевода этой пословицы Таммсааре выбрал путь калькирования, что вполне оправдано, поскольку, во-первых, пословица не передается в своем первоначальном виде, а во-вторых, текст поясняет, что именно так говорит пословица. Дословный перевод никак не нарушает в этом случае смысловое наполнение фразеологизма — фактически, текст перед пословицей уже объясняет ее содержание.

Muidugi, teil on ju siin ühine äriplane ettevõtte, vastastikused tulud ja ühesuurused osad, tähendab – ka kulud pooleks; **sool-leib üldine, aga tubakas eraldi**, nagu vanasõna ütleb [Dostojevski 1929: 55, Dostojevski 1939: 63, Dostojevski 1958: 45, Dostojevski 1987: 42, Dostojevski 2007: 34, Dostojevski 2020: 51].

Один из выдающихся специалистов в области фразеологии английского языка, Александр Кунин, утверждает, что калькирование и буквализм абсолютно разные понятия:

Калькирование принципиально отличается от буквализма. Калькирование — оправданный дословный перевод, буквализм же — дословный перевод, искажающий смысл переводимого выражения или рабски копирующий конструкции чужого языка и являющийся по существу насилием над тем языком, на который делается перевод [Кунин: 9].

Ученый находит, что что в некоторых случаях дословный перевод передает образность исходного текста эффективнее:

Устойчивые сочетания слов иногда приходится переводить дословно, несмотря на наличие полного или частичного эквивалента. Дословный перевод особенно важен, когда образ, заключающийся в фразеологизме, не безразличен для понимания текста, а замена его другим образом не дает достаточного эффекта [Кунин: 7].

Держи карман!

В четвертой главе первой части романа Раскольников получает письмо от матери, в котором она старается представить Лужина в лучшем свете и утверждает, что брак с Дуней принесет благополучие всей семье. Однако Раскольников не разделяет этой точки зрения и считает, что не стоит ожидать от Лужина проявления великодушия. Он говорит мысленно в ответ на надежды своей матери — ничего вы не получите от него!

Держи карман! [Достоевский 1973: VI, 37].

В данном контексте фразеологическое выражение звучит в речи персонажа в не полном объеме, опущено слово «шире». «Держи карман шире» представляет собой грубое просторечное выражение, смысл которого сводится к предупреждению «не рассчитывай на что-либо» [ФСРЛЯ].

Hoia taskuid! [Dostojevski 1929: 56, Dostojevski 1939: 64, Dostojevski 1958: 46].

Таммсааре перевел фразеологизм в неполной форме «Держи карман!» буквально, что не передает его смысла эстонскому читателю. В данном контексте оно скорее указывает на необходимость бережного обращения с деньгами, которые человек носит в кармане, например, чтобы предотвратить кражу. Кроме того, Таммсааре-переводчик образовал от единственного числа — «карман» множественное число — «карманы».

Согласно русско-эстонскому словарю, для перевода фразеологизма «держи карман шире» можно использовать несколько выражений на эстонском языке, например, таких, как *'ära*

mitte loodagi, *'looda sa*', *'mitte midagi taolist*', *'võta näpust*' [VES]. Однако лучший выбор из них — фразеологизм *võta näpust* поскольку, как и у Достоевского, он состоит из двух слов, но отличается тем, что здесь нет опущенного слова. К такому выводу пришли корректоры в 1987 году, и именно в таком виде этот фразеологизм был использован в последних переизданиях перевода, включая издание 2020 года.

Võta näpust! [Dostojevski 1987: 43, Dostojevski 2007: 35, Dostojevski 2020: 52].

Нужно отметить, что дословный перевод фразеологизма мог использоваться в некоторых случаях даже в середине XX века. Однако в этом контексте он оказывается неуместным, так как не передает точный смысл оригинала. Образная основа фразеологизма *Võta näpust!* хотя и полностью отличается от образа в исходном языке, но сохраняет метафоричность и передает ту же семантику. Если в оригинальном тексте фразеологизм неполный и опущено слово «карман», то эстонский аналог — *võta näpust!* дан целиком.

Рядить человека в павлиньи перья; предчувствовать оборот медали; обеими руками от правды отмахиваться; нос не налепить

Там же, в четвертой главе первой части романа Раскольников делает вывод о наивном доверии своей матери и сестры, которые пытаются приукрасить Лужина и представить его в лучшем свете, хотя в глубине души подозревают, что создают себе лишь иллюзии относительно милости этого человека.

В отрывке, где Раскольников предвидит судьбу своих близких, это содержание передается с помощью четырех фразеологизмов. Три из них Достоевский представил в измененном виде.

...до последнего момента **рядят человека в павлиньи перья**, до последнего момента на добро, а не на худо надеются; и хоть **предчувствуют оборот медали**, но ни за что себе заранее настоящего слова не выговорят; коробит их от одного помышления; **обеими руками от правды отмахиваются**, до тех самых пор, пока разукрашенный человек им собственноручно **нос не налепит** [Достоевский 1973: VI, 37].

Рассмотрим их содержание и перевод по отдельности.

Рядить человека в павлиньи перья

Достоевский образовал высказывание Раскольникова «рядят человека в павлиньи перья» от фразеологизма «ворона в павлиньих перьях». Устойчивое словосочетание «Ворона

в павлиньих перьях» используется как ироническое высказывание о человеке, который тщетно пытается казаться более важным, более значительным, чем он есть на самом деле, старается играть более важную, несвойственную ему роль [ФСЗЛЯ]. Выражение имеет античные истоки и встречается уже у древнеримского комедиографа Лукиана, но широкую известность оно получило благодаря басне И. Крылова «Ворона», хотя является калькой фразеологизма из басни Лафонтена [СРФ].

Достоевский переосмысляет этот фразеологизм, заменяя «ворону» на «человека» и добавляет глагол «рядить», чтобы показать, что кто-то другой приписывает человеку качества, которыми он на самом деле не обладает — «рядят человека в павлиньи перья».

В эстонском языке фразеологизму «ворона в павлиньих перьях» находим точный эквивалент — *vares paabulinnu sulgedes* [Reitsak: 80]. Поэтому у Таммсааре была возможность представить фразеологизм в таком же измененном виде, как и у Достоевского.

...до последнего момента **рядят человека в павлиньи перья**, <...> [Достоевский 1973: VI, 37];

Ср. у Таммсааре:

...kuni viimase silmapilguni **ehivad nad inimest paabulinnu sulgedega**, <...> [Dostojevski 1929: 56, Dostojevski 1939: 64].

В последующих исправленных версиях, начиная с 1958 года, в этот фрагмент были внесены некоторые незначительные грамматические исправления, но сама фраза осталась неизменной.

...kuni viimse silmapilguni **ehivad nad inimest paabulinnusulgedega**, <...> [Dostojevski 2020: 52].

Предчувствовать оборот медали

В русском языке есть фразеологизмы «другая сторона медали» [ФСЗЛЯ] и «оборотная сторона медали» [СРФ]. Достоевский использовал второй вариант и опустил в нем слово «сторона», а также превратил прилагательное в существительное. Оборот является калькой с французского *le revers de médaille* в значении — противоположная, всегда отрицательная, теневая сторона чего-либо [СРФ], в данном случае кого-либо. Это выражение восходит к языку монетных мастеров, которые не уделяли особого внимания обработке оборотной стороны монеты, и поэтому она была выполнена менее качественно, чем лицевая [СРФ].

Ср. у Достоевского:

...и хоть **предчувствуют оборот медали**, <...> [Достоевский 1973: VI, 37].

В эстонском языке используется точный эквивалент к русскому фразеологизму «другая сторона медали» – *medali teine külg/pool* [FES, Reitsak: 352], но к «оборотной стороне медали» точного фразеологического соответствия нет. Поэтому, в отличие от предыдущего примера, Таммсааре пришлось искать другое решение. И он заменяет слово «медаль» на *asi* 'дело', 'вещь' [EVS]. В эстонском языке часто употребляется фраза *asja teine külg*, что в буквальном переводе означает «другая сторона вещи» или «обратная сторона дела».

...и хоть **предчувствуют оборот медали**, <...> [Достоевский 1973: VI, 37];

Ср. у Таммсааре:

...ja olgugi, et **asja teist külge** ette tunnevad, <...> [Dostojevski 1929: 56, Dostojevski 1939: 64, Dostojevski 1958: 46, Dostojevski 1987: 43, Dostojevski 2007: 35; Dostojevski 2020: 52].

Мы полагаем, что лексема «медаль» имеет важное значение в данном контексте и ее стоило сохранить в дословном переводе, например, *medali tagakülg*. Медаль представляет собой знак почета, присуждаемый в честь признания какой-то победы. С одной стороны, брак Дуни с Лужиным ассоциируется с победой, переходом от бедности всей семьи к более благополучной жизни, однако, эта награда имеет и свою темную сторону. Но переводчики придерживались иного мнения и никаких изменений в выборе Таммсааре не последовало.

Обеими руками от правды отмахиваться

Мы считаем, что часть фразеологизма «ухватиться обеими руками» является основой выражения, сформулированного Достоевским. Это разговорно-экспрессивное выражение означает, что кто-то охотно, безоговорочно и полностью соглашаться с чем-либо [ФСЗЛЯ]. Мы не нашли эквивалентного фразеологизма в эстонском языке и поэтому считаем, что Таммсааре перевел его дословно и получил метафорическое выражение, эквивалентное формулировке Достоевского. Достоевский заменяет глагол «ухватиться» его антонимом — отмахиваться в третьем лице множественного числа.

...**обеими руками** от правды отмахиваются <...> [Достоевский 1973: VI, 37];

Ср.:

...mõlema käega tõrjuvad tõtt eemale <...> [Dostojevski 1929: 56, Dostojevski 1939: 64, Dostojevski 1958: 46, Dostojevski 1987: 43, Dostojevski 2007: 35; Dostojevski 2020: 52].

В последующих изданиях выражение так же осталось неизменным.

Налепить нос

Устаревший фразеологизм «налепить нос» имеет значение «одурачить или провести кого-либо» [ФСЗЛЯ]. Достоевский добавил к этому словосочетанию отрицательную частицу «не». Интересно, что отрицание в этом выражении не меняет значения фразеологизма, а значит, мысль остается той же: Дуня и ее мать верят Лужину, пока он им «нос не налепит» или «нос налепит» — в обоих случаях результат один и тот же — «налепит».

...им собственноручно **нос не налепит** <...> [Достоевский 1973: VI, 37].

В переводе Таммсааре этот фразеологизм не передан фразеологической единицей. Таммсааре сумел сделать перевод образным, фразеологизм в переводе приобретает реальное, материальное значение, напоминающее физическое насилие:

...им собственноручно **нос не налепит** <...> [Достоевский 1973: VI, 37];

Ср. у Таммсааре:

...ise oma käega neil **nina väänab** <...> [Dostojevski 1929: 56, Dostojevski 1939: 64, Dostojevski 1958: 46, Dostojevski 1987: 43, Dostojevski 2007: 35; Dostojevski 2020: 52].

В обновленных переводах этот фразеологизм не изменен.

Из анализа представленных примеров следует, что как Таммсааре, так и более поздние редакторы стремились сохранить стиль Достоевского и аналогично изменять фразеологизмы, добавляя в них другие компоненты или опуская их. При переводе русских фразеологизмов на эстонский язык использовались по возможности эквивалентные фразеологизмы, в них вносили также изменения, чтобы передавать стиль Достоевского. В некоторых случаях это приводило к удачным результатам уже на этапе перевода Таммсааре, что подтверждается тем, что, спустя почти сто лет, обновители перевода вносили лишь единичные поправки. Однако иногда Таммсааре слишком буквально переводил устойчивые словосочетания, которых нет в эстонском языке и поэтому они оставались непонятными для читателя. В некоторых случаях редакторы заменяли фразеологизмы Таммсааре на новые и более подходящие или дополняли усеченные фразеологизмы полными. В целом можно сказать, что Таммсааре находил удачные решения при переводе обработанных Достоевским фразеологизмов, и обновителям перевода пришлось внести лишь небольшие изменения, чтобы модернизировать их.

Заключение

В первой главе нашей работы мы кратко остановились на характеристике первых переводов рассказов Ф. Достоевского, опубликованных на страницах эстонских газет, а затем сосредоточились на переводах романа «Преступление и наказание», обращаясь к опытам Йоханнеса Аавика и переводу А. Х. Таммсааре. Мы также указали на даты публикации пяти модернизированных переводов романа и назвали их редакторов. Поскольку в Эстонии XIX века не было четкого разграничения между переводом и переложением оригинала, первые переводы Достоевского, публиковавшиеся в периодических изданиях, представляли собой адаптации оригиналов. Они передавали содержание текста, но не стиль автора.

Но уже в первые десятилетия XX века перевод стал инструментом заимствования новой лексики и модернизации эстонского языка и культуры. В соответствии с этой целью мы, опираясь на соответствующие исследования, описали метод работы Й. Аавика по внедрению языковых инноваций. В рамках проекта обновления языка, в 1928 году, впервые был переведен и роман «Преступление и наказание», но перевод был фрагментарным, и уже в заглавии перевода присутствовал неологизм *roim* вместо *kuritöö*. Однако это название не прижилось, потому что уже через год роман был опубликован целиком в переводе А. Х. Таммсааре, под названием „Kuritöö ja karistus“, которое известно читателям и по сей день.

Таким образом, мы продемонстрировали, насколько незначительным фактором текста считались язык и стиль автора оригинала в художественном переводе XIX века и даже в первые десятилетия XX века. Перевод преследовал совершенно другие цели: обновление языка, привлекательность для широкой аудитории и хороший доход от продажи книг. Должного признания не получил и Достоевский, что неудивительно, так как стиль писателя недооценивался не только в Эстонии, но и в России. Однако перевод Таммсааре романа «Преступление и наказание», представляет собой хороший пример того, как автор целевого текста стремится передать стиль и лексику Достоевского как можно ближе к оригиналу.

Во второй главе нашей работы мы осуществили анализ лексических эквивалентов в переводе Антона Ханзена Таммсааре и переизданиях перевода. В первой подглавке второй главы мы рассматривали перевод ключевых и функционально значимых слов. Исходя из представленных примеров, мы смогли сделать вывод, что при редактировании перевода Таммсааре таким словам было уделено слишком мало внимания, и они часто не приближают читателя к

оригинальному тексту, а наоборот, отдаляют от него. Это могло быть преднамеренным приемом, чтобы упорядочить и сгладить текст, но при этом разрушалась мотивная и символическая структура произведения. В нашей работе мы также смогли указать, что иногда меняется значение слов на примере слова *uulits*.

Что касается перевода Таммсааре, то создается впечатление, что он переводил ключевые слова в произведениях Достоевского, как бы находясь в спешке. Иногда в его переводе наблюдается некоторая беспорядочность и необдуманность в выборе слов. Но в каких-то случаях, наоборот, — выбранное Таммсааре слово оказывается ближе к оригиналу, чем у модернизаторов перевода.

Во втором параграфе второй главы мы рассматривали перевод некоторых русских реалий, которые были известны в Эстонии из-за географической близости, общей истории двух стран и часто не нуждаются в пояснениях. Самым сложным из наших примеров оказался перевод обращений, но редакторы справились с этим, и надо признать, что Таммсааре — лучше всех.

В третьем параграфе второй главы мы провели анализ лексики, отклоняющейся от литературной нормы. Нами рассматривались просторечие, ломаная речь, а также жаргонизмы и окказионализмы. В этом параграфе были приведены примеры, где Таммсааре проявил творческую находчивость, стремясь максимально точно передать искаженные по отношению к нормированному языку формы речи, встречающиеся в романе. Обновители перевода опирались на работу, проделанную Таммсааре, внося лишь некоторые исправления. Однако в случае перевода жаргонизмов и окказионализмов они сгладили текст, устранив тем самым важную для Достоевского эмоционально-экспрессивную окраску тюремного жаргона.

В третьей главе мы проанализировали перевод некоторых фразеологизмов. Для этого мы выбрали более сложные примеры: в одних случаях переводчику нужно было заменить неизвестный фразеологизм на знакомое эстонскому читателю устойчивое словосочетание, а в других — переработать фразеологизмы таким же образом, как Достоевский представил их в подлиннике. Анализ показал, что Таммсааре выполнил перевод фразеологизмов творчески. Он нашел для них подходящие соответствия в эстонском языке, которые не пришлось впоследствии менять обновителям перевода. Но был и один неудачный, с нашей точки зрения, случай перевода, который был исправлен редакторами в 1987 году.

Исходя из представленных примеров, можно сделать предположение, что отредактированные версии перевода в случае передачи фразеологизмов во многом основывались на творческой изобретательности А. Х. Таммсааре.

Как показали исследователи, в молодой Эстонской Республике редактированию не уделялось особого внимания. В результате этого на страницах перевода романа «Преступление и наказание», опубликованного в 1929 году, остались некоторые погрешности, которых можно было бы избежать при вмешательстве хорошего и опытного редактора. Мы можем также с уверенностью сказать, что обновленный перевод 2007 года, в издании которого не указан редактор, не является копией перевода 1958 года. В нем заменены некоторые слова на основе модернизированного перевода 1987 года, однако неясно, по какому принципу были внесены эти изменения. Возможно, что мы, исследуя перевод ключевых слов, слишком строго оценили работу Таммсааре, поскольку учитывали современные стандарты в переводоведении. Однако аналогичное исследование, проведенное в прошлом году на примере перевода романа Ф. Достоевского «Подросток», выполненного переводчиками Мартой Пярна и Александром Райдом, показало, что их перевод был сделан на более высоком художественном уровне. Но и в данном случае надо отметить, что между публикациями двух переводов прошло десять лет, а это большой промежуток времени. За этот период было введено много языковых новаций, а также предприняты шаги по улучшению качества художественных переводов. В начале нашей работы мы упомянули, что критики упрекали Таммсааре за слабые и приблизительные соответствия в переводах, а также за неумение передать авторский идеостиль.

В итоге мы можем сказать, что при редактировании перевода 1939 года были внесены лишь незначительные изменения, а на стилистические шероховатости не было обращено должного внимания. Редакторы перевода 1958 года проделали самую большую работу — они привели перевод в соответствие со сложившимися к тому времени грамматическими правилами эстонского языка, одновременно сглаживая текст перевода. Тенденция сглаживания текста продолжилась и при редактировании переводов 1987 и 2020 годов и, конечно же, в каждое новое издание были внесены грамматические исправления, соответствующие данному периоду. Издание 2007 года, как мы отметили выше, представляет собой комбинацию обновлений переводов 1958 и 1987 годов.

Список использованной литературы

1. Достоевский 1973: *Достоевский*. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1973.
<https://russian-literature.org/tom/409849> (24.05.2024).
2. Dostojevski 1929: *Dostojevski F. Kuritöö ja karistus*. Tartu, 1929.
<https://www.digar.ee/viewer/et/nlib-digar:377926/327301/page/249> (22.05.2024).
3. Dostojevski 1939: *Dostojevski F. Kuritöö ja karistus*. Esimene köide. Tartu, 1939.
4. Dostojevski 1958: *Dostojevski F. Kuritöö ja karistus*. Tallinn, 1958.
5. Dostojevski 1987: *Dostojevski F. Kuritöö ja karistus*. Tallinn, 1987.
6. Dostojevski 2007: *Dostojevski F. Kuritöö ja karistus*. Tallinn, 2007.
7. Dostojevski 2020: *Dostojevski F. Kuritöö ja karistus*. Tallinn, 2020.
8. Wirmaline: Poisikene Kristuse juures jõulupuul // *Wirmaline*, 22. detsember 1892, lk 2-3.
<https://dea.digar.ee/?a=d&d=wirmalinepeterburi18921222.1.3&e=-----et-25--1--txt-txIN%7ctxTI%7ctxAU%7ctxTA-----> (31.05.2024).
9. Wirulane: Kallil õhtul // *Wirulane*, 21. detsember 1887, nr 52.
<https://dea.digar.ee/?a=d&d=wirulane18871221.2.14&e=-----et-25--1--txt-txIN%7ctxTI%7ctxAU%7ctxTA-----> (31.05.2024).
10. Алексеева : *Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие*. СПб., 2004.
<http://www.ukrsurt.com.ua/wp-content/uploads/2019/02/Istoriya-perevoda-iz-Alekseevoy.pdf> (24.05.2024).
11. Владимирцев, Орнатская: *Владимирцев В. П., Орнатская Т. А. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) / Ф. М. Достоевский*. Красноярск, 1985.
12. Влахов, Флорин: *Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе*. М., 1980.
http://lib.yzu.am/disciplines_bk/b15a16a77c61f49f6da93583d3ebc30c.pdf (24.05.2024).
13. Каменская и др.: *Каменская О. Г., Кан Р. А., Стрекалова Е. Т., Запорожец М.Н. Русский язык и культура речи. Учебное пособие для студентов*. Тольятти, 2005.
https://edu.tltsu.ru/er/er_files/book362/book.pdf (30.05.2024).
14. Кунин: *Кунин А. В. О переводе английских фразеологизмов // Журнал Самиздат*, 2007.
http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/transl-book-kunin.shtml (24.05.2024).

15. Першкина: *Першкина А.* Какие преступления вдохновили Достоевского // Журнал Arzamas, 2017. <https://arzamas.academy/mag/425-crimes> (24.05.2024).
16. Пильд, Тоомель: *Пильд Л., Тоомель К.* Эссе А. Х. Таммсааре о Достоевском в контексте публицистики писателя 1910-х -1920-х гг // Блоковский сборник. XVIII. Россия и Эстония в XX веке: диалог культур. Humaniora: Litterae Russicae, 2010. С. 125-137. <https://dspace.ut.ee/server/api/core/bitstreams/363aff55-afe6-46bd-9bba-f8d45535fb22/content> (24.05.2024).
17. Попович: *Попович А.* Проблемы художественного перевода: Учебное пособие. М., 1980.
18. Рябцева: *Рябцева Н. К.* Концепция перевода Питера Ньюмарка и ее теоретическое и практическое значение // Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. Выпуск 5, 2013. С. 197–244. https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2013_05/10.pdf (22.05.2024).
19. Тимошенко: *Тимошенко И. Е.* Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. https://ebiblio.ru/xbook/new/xbook0001/files/course/0053_Timoshenko-Poslivitsy.pdf (24.05.2024).
20. Трахтенберг: *Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка. «Жаргон» тюрьмы. М., 2023. <https://coollib.net/b/601546/read#t1> (30.05.2024).
21. Федосюк: *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1998. https://azbyka.ru/fiction/chto-neponyatno-u-klassikov-ili-enciklopediya-russkogo-byta-xix-veka-yurij-fedosyuk/#ch_0_4_6 (24.05.2024).
22. Читалина: *Читалина Н. А.* Учись переводить (Лексические проблемы перевода). М., 1975. <https://www.booksite.ru/fulltext/chitalina/text.pdf> (30.05.2024).
23. Kaplinski: *Kaplinski J.* Ideofoonidest meil ja mujal // Keel ja Kirjandus nr 2, 2010. Lk 133-136. <https://keeljakirjandus.ee/archive/Kaplinski133-136.pdf> (24.05.2024).
24. Kasik: *Kasik R.* Eesti keelehoolde algusaegadest // Eesti Keeletoimetajate Liidu Aastaraamat 2019, 2020. Lk 28-41. https://keeletoimetajaliit.ee/wp-content/uploads/2020/01/Eesti_Keeletoimetajate_Liidu_aastaraamat_2019.pdf (24.05.2024).

25. Kasik 2022: *Kasik R.* Keelekorraldus Nõukogude Eestis (Vaateid eesti keelekorralduse arenguloole) // Keel ja Kirjandus, nr 12, 2022. Lk 1093-1103. https://keeljakirjandus.ee/wp-content/uploads/2022/11/R.KASIK_.pdf (24.05.2024).
26. Lange: *Lange A.* Tõlkimine omas ajas. Kolm juhtumiuuringut eesti tõlkeloost. Tallinn, 2015.
27. Päll: *Päll P.* Uulitsavõitlus // Oma keel, nr 2, 2006. Lk 87-94. <https://keeleabi.eki.ee/pdf/087.pdf> (24.05.2024).
28. Raag: *Raag R.* Talurahva keelest riigikeeleks. Tartu, 2008. file:///C:/Users/HP/Downloads/raag_talurahvakeelest.pdf (30.05.2024).
29. Samarüütel: *Samarüütel M.* Feodor / Fjodor Dostojevski – Kuritöö ja karistus I (1929/1987). Blogi „loterii“. <https://loterii.blogspot.com/2009/08/feodor-fjodor-dostojevski-kuritoo-ja.html> (24.05.2024).
30. Stepanišševa: *Stepaništševa T.* Johannes Aavik ja vene kirjandus: biograafiline ja kultuurilis-ideoloogiline kontekst // Methis. Studia humaniora Estonica. Vene kirjanduse tõlkeideoloogia erinumber. Vol. 20 No. 25 (2020). Lk 27-49. <https://doi.org/10.7592/methis.v20i25> (24.05.2024).
31. Sütiste: *Sütiste E.* Märksõnu Eesti Tõlkeloost 1906–1940: Tõlkediskursust organiseerivad kujundid // Keel ja Kirjandus nr 12, 2009. Lk 908-924. <https://keeljakirjandus.ee/archive/908-924.pdf> (24.05.2024).
32. Sütiste 2017: *Sütiste E.* "Tõlkija peab...": nõudmised ilukirjandusliku proosa tõlkijale // Eesti Kirjanike Liidu tõlkijate sektsiooni aastaraamat 2017. Lk 170-178. https://tolkijad.ee/wp-content/uploads/2020/09/To%CC%83lkijaHa%CC%88a%CC%88I_V.pdf (24.05.2024).
33. Teder: *Teder E.* A. H. Tammsaare ja F. Dostojevski // Keel ja Kirjandus nr 7, 1997. Lk 459-469. file:///C:/Users/HP/Downloads/keel_ja_kirjandus_1997_07.pdf (24.05.2024).
34. TKAB: Tõlkekirjanduse andmebaas <https://kirjandus.tlulib.ee/otsing/> (27.05.2024).
35. Vaba Maa: *Roos J.* Kas tänav või "uulits" // *Vaba Maa*, 14. jaanuar, 1920, nr 10, lk 2. <https://www.eki.ee/nimeselts/txt/bo01108.htm> (27.05.2024).
36. Venuti: *Venuti L.* The Translator's Invisibility. A History of Translation. London and New York, 2004. https://www.academia.edu/25783955/Venuti_The_Translators_Invisibility_A_History_of_Translation (24.05.2024).

37. БРБС: Большой Русский Биографический Словарь <http://www.rulex.ru/01190136.htm> (24.05.2024).
38. БРЭ: Большая российская энциклопедия 2004–2017. https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2108761 (27.05.2024).
39. ИСГЛЯ: Исторический словарь галлицизмов русского языка <http://rus-yaz.niv.ru/doc/gallism-dictionary/fc/slovar-209-21.htm#zag-36768> (25.05.2024).
40. РГТ: Российская государственность в терминах. <https://rus-in-terms.slovaronline.com/> (27.05.2024).
41. РСКД: Реальный словарь классических древностей по Любкеру. https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003599381?page=168&rotate=0&theme=white (31.05.2024).
42. Словарь Даля: Толковый словарь живаго великорусского языка. <https://slovardalja.net/> (30.05.2024).
43. Словарь Ушакова: Толковый словарь Ушакова. <https://gufo.me/dict/ushakov> (30.05.2024).
44. СЛТ: Словарь литературоведческих терминов. <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/> (31.05.2024).
45. СНФ: Словарь народной фразеологии. <https://rus-folk-phraseology-dict.slovaronline.com/> (27.05.2024).
46. СРА: *Городин Л. М.* Словарь русских арготизмов. Лексикон каторги и лагерей императорской и советской России. М., 2021. <https://gmig.ru/upload/iblock/17f/17ff966718f1b4bca1d0e918f8e26e1d.pdf> (27.05.2024).
47. СРФ: *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1988.
48. ФСЗЛЯ: *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (27.05.2024).
49. ЕКИ Keeleviki: ЕКИ keelenõuanne. Isikud, olendid. https://keeleabi.eki.ee/viki/Isikud,_olendid.html (27.05.2024).
50. ЕКСС: Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. <https://www.eki.ee/dict/ekss/ekss.html> (27.05.2024).

51. EOB: Eesti onomastika bibliograafia. Teemaatiline loend. Liigisõnade valik.
<https://www.eki.ee/nimeselts/bib/botmkr72.htm> (27.05.2024).
52. ETY: Eesti etümoloogiasõnaraamat <https://www.eki.ee/dict/ety/> (22.05.2024).
53. EVS: Eesti-vene sõnaraamat <https://www.eki.ee/dict/evs/> (27.05.2024).
54. EÕS: Eesti õigekeelsuse-sõnaraamat. II köide. N-R_{io}. Tartu, 1930.
55. EÕS 1937: Eesti õigekeelsuse-sõnaraamat. III köide. R_{ipp}– Y. Tartu, 1937.
56. FES: Eesti fraseologismide elektrooniline alussõnastik
[https://www.folklore.ee/justkui/sonastik/\(03.04.2024\)](https://www.folklore.ee/justkui/sonastik/(03.04.2024)) (27.05.2024).
57. Reitsak: *Reitsak A*. Valimik vene fraseologisme eesti vastetega. Tallinn, 1975.
58. VES: Vene-eesti sõnaraamat <https://www.eki.ee/dict/ves/> (27.05.2024).

Leksikaalsed ja fraseoloogilised vasted Anton Hansen Tammsaare tõlkes Fjodor Dostojevski romaani “Kuritöö ja karistus” näitel

Kokkuvõte

Käesolevas töös vaatleme mõningate leksikaalsete ja fraseoloogiliste üksuste tõlget võrdluses originaalteosega. Uurimuse objektiks oli F. Dostojevski romaani “Kuritöö ja karistus” tekst, A. H. Tammsaare 1929. aasta eestindus ning tõlke uuendatud versioonid aastatest 1939, 1958, 1987, 2007 ja 2020. Töö koosneb kolmest peatükist. Esimeses peatükis andsime ülevaate F. Dostojevski jutustuste esimestest tõlgetest Eesti ajalehtede veergudel ning seejärel keskendusime romaani „Kuritöö ja karistus“ eestindamisele J. Aaviku ja A. H. Tammsaare näitel. Lisaks esitasime ülevaatliku pildi viie moderniseeritud tõlke ilmumisaegadest ja nende redigeerijatest. Teises peatükis viisime läbi mõnede leksikaalsete ekvivalentide analüüsi A. H. Tammsaare tõlke ja selle kaasajastatud kordustrukkide näitel. Erilise tähelepanu pöörasime oluliste ja funktsionaalselt tähenduslike sõnade ja kultuurispetsiifiliste elementide tõlkimisele ning tõime välja ka lähtetekstis olevate kirjakeelenormidest kõrvalekaldumiste juhtumid, mis nõudsid tõlkijatel laialdasi teadmisi ja loomingulist lähenemist. Meie eesmärk oli välja selgitada, millised muutused või muutmata jätmised on sõnavara tõlkes saja aasta jooksul aset leidnud. Jõudsime järelduseni, et A. H. Tammsaare üldiselt püüdis sõnu tõlkida originaaltekstile lähedaselt. Kuid oli ka erandeid, mille puhul ta toimis vastupidi – kauges lähteteksti sõnavarast. Oli märgata selliste mõistete tõlkimata jätmist, mis on eesti lugejale tundmatud, kuid nende puudumine pole tõlketekstis sisulisi arusaamatusi tekitanud. Tõlke uuendajate puhul märkasime üldjoontes täpselt samasugust tendentsi – mõnikord on Tammsaare tõlget oskuslikult parendatud, teinekord aga hoopis vastupidi. Vaieldamatult on kõige rohkem muudatusi sisse viidud 1958. aasta redigeerijate poolt, mil keelenormimine oli täies hoos. Parandatud on lausete ehitust ja viidud kooskõlla kirjakeelega. Muudetud on mõningaid olulisi võtmesõnu või asendatud sünonüümidega seal, kus Tammsaare pole sobivat lahendust F. Dostojevski sõnadele leidnud. Kirjakeelest kõrvalekaldumise juhtumite puhul on aga suures osas järgitud Tammsaare eeskju, kuigi mõnedel puhkudel on märgata teksti „silumist“, üldistades või pehmendades niimoodi originaalteksti sõna tähendust, teinekord aga kaotades selle emotsionaalse värvingu, mida autor on tahtnud nii sõnaliselt kui ka stiililiselt edasi anda. Kolmandas peatükis analüüsisime fraseologismide tõlget romaanis ja jõudsime järelduseni, et moderniseeritud

väljaannetes on tehtud ainult pisimuudatusi ning püsivad sõnaühendid on leidnud Tammsaare tõlkes tee ka tänapäeva lugejani.

Приложение

Таблица № 1. Сравнение лексики в переводе 2007 года с изданиями 1958 и 1987 годов

Достоевский	1958	1987	2007
детское тряпье	laste nadid	laste hilbud	laste hilbud
между тряпьем	nadide vahele	kodinate vahele	kodinate vahele
это тряпье	neid nadisid	neid kodinaid	neid kodinaid
перекресток	tänavariste	tänavarist	tänavarist

Таблица № 2. Лексемы, описывающие петербургское городское пространство

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
Петербург	Peterburi	Peterburi	Peterburi	Peterburi	Peterburi	Peterburi
серединная улица	keskuulits	keskuulits	kesktänav	kesktänav	kesktänav	kesktänav
переулок	põiktänav/ põikuulits	põiktänav/ põikuulits	põiktänav	põiktänav	põiktänav	põiktänav
перекресток	uulitsarist	uulitsarist	tänavariste	tänavarist	tänavarist	tänavarist
тротуар	kõnnitee	kõnnitee	kõnnitee	kõnnitee	kõnnitee	kõnnitee
бульвар	puiestee	puiestee	puiestee	puiestee	puiestee	puiestee
аллея	puiestee	puiestee	puiestee	puiestee	puiestee	puiestee
Сенная	Heina turg	Heina turg	Heinaturg	Heinaturg	Heinaturg	Heinaturg
трактиришко	trahteriurgas	trahteriurgas	trahteriurgas	trahteriurgas	trahteriurgas	trahteriurgas
распивочная	kõrts/ joogikoht	kõrts/ joogikoht	kõrts/ joogikoht	kõrts/ joogikoht	kõrts/ joogikoht	kõrts/ joogikoht
кабак	kõrts	kõrts	kõrts	kõrts	kõrts	kõrts
харчевня	toidupood/ söögimaja	toidupood/ söögimaja	toidupood/ söögimaja	toidupood/ söögimaja	toidupood/ söögimaja	toidupood/ söögimaja
съестное заведение	söögimajataoline asutis	söögimajataoline asutis	söögimajataoline asutis	söögimajataoline asutis	söögimajataoline asutis	söögimajataoline asutis

Таблица № 3. Реалии

Достоевский	Таммсааре	1939	1958	1987	2007	2020
желтый билет	kollane pilet	kollane pilet	kollane pilet	kollane pilet	kollane pilet	rollane pilet

рюмка	klaas	klaas	klaas	pits	klaas	pits
водка	naps	naps	naps	viin	naps	viin

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Renate Ilves,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose

«Лексические и фразеологические эквиваленты в переводе романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского Антона Ханзена Таммсааре» / „Leksikaalsed ja fraseoloogilised vasted Anton Hansen Tammsaare tõlkes Fjodor Dostojevski romaani “Kuritöö ja karistus” näitel“,

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on Lea Pild

(juhendaja nimi)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commonsi litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Renate Ilves

30.05.2024

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrekselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride kolledži slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

[Autori allkiri]

Renate Ilves

Tartus, 30.05.2024